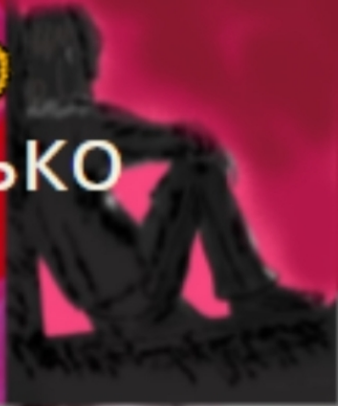
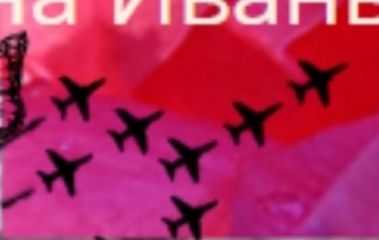
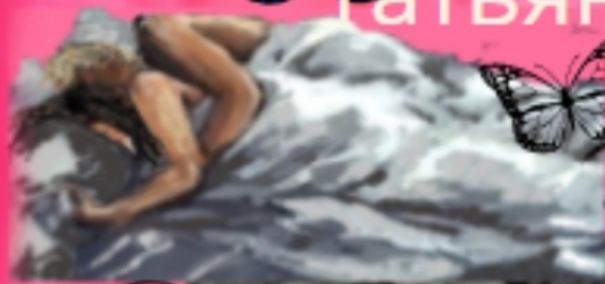

Татьяна Иванько

Миллионщик

(Повесть о настоящем)

ТОМ 1

МиЛлениум

Татьяна Иванько

**МиЛЛЕниум. Повесть
о настоящем. Том 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванько Т. В.

МилЛениум. Повесть о настоящем. Том 1 / Т. В. Иванько —
«ЛитРес: Самиздат», 2018 — (МиЛлениум)

ISBN 978-5-532-95862-3

Взросление — это ломка, а если ломка происходит на изломе эпох, много ли остаётся от человека? Любовь, как животворящая сила, как способ спастись, единственное, что сохраняет целостность внутреннего мира героев, оберегая от вторжения и распада их души. Отношения между отцами и детьми, мужчинами и женщинами, смятение душ. Я и я, я и они, напряжённые струны, взрывающие душу между долгом и страстью, между «да» и «нет». Идеальная любовь всегда представлялась счастьем, можно ли сохранить её в безумии наступающего со всех сторон бездушия и холодного расчёта? И что она сделает с героями, вознесёт к вершинам душевной чистоты или раздавит?..

ISBN 978-5-532-95862-3

© Иванько Т. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Дети меловых рисунков на асфальте	5
Глава 2. «Две звезды»	15
Глава 3. Керосин	23
Глава 4. «Ты меня любишь?»	28
Глава 5. Громы и молнии в райском саду	36
Глава 6. Перемены	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Иванько

МилЛЕниум. Повесть о настоящем. Том 1

Часть 1

Глава 1. Дети меловых рисунков на асфальте

– Ой, Лёничка! Вот это да... Пляжи совсем пустые... Надо же, никогда не думала увидеть в августе... Почему, интересно? Как ты думаешь? Может у них тут шторм, какой был? – Лёля обернулась ко мне от вагонного окна, мы ехали в Адлер, и сегодня второе августа 1991 года.

Я вышел к ней из купе, где мы после Туапсе остались вдвоём. Действительно, странная картина, за всё моё детство, когда я бывал на море каждый год, я никогда не видел на юге, таких пустынных картин – узкая полоска галечного берега, разделённого волнорезами, вдоль которой мы будем ехать несколько часов, выглядела так, будто сейчас зима или, ну, или глухая осень...

Единичные курортники, возлежащие на полинялых деревянных лежаках, привлекли не только наше внимание, двое московских молодожёнов тоже обсуждали это, стоя за два окна от нас.

– Может, там холодно? – Лёля посмотрела на меня.

– Ага, а в вагоне дышать нечем! – усмехнулся я.

– Ну... было холодно... – улыбнулась Лёля.

– Не выдумай, Лёль, просто мало отдыхающих в этом году.

Лёля посмотрела на меня:

– С чего? Всё так дорого стало?

Я пожал плечами: откуда мне знать?.. Мы впервые с ней одни и думать сейчас, почему пляжи пустые совсем не хотелось...

На что дана нам МОЛОДОСТЬ?

Бурная река – Молодость!

Нас несёт она всё вперёд,

всё быстрее.

Молодость – пламя!

Молодость – огонь!

Но кому-то не хватит огня.

Молодость – начало, и кто навечно останется здесь?

Кто сожжёт свою молодость?

Сожжёт кого-то она в мечь?

Мы юны – нам всё по плечу!

Мы юны и страха в нас нет!

Мы юны и всё навечно!

Мы юны, разве это пройдёт?!

Молодость нас тревожит.

Молодость в нас бурлит!

Молодость – сила!

Молодость – мощь!

Сила ветра и сила воды.

Сила бури и сила огня.

Молодость, конечно, дана навсегда.
Молодость беспечна и в этом она.
Молодость – пламя!
Молодость – огонь!
Кто сгорит в огне,
Кого сожжёт молодость,
Кто всё сожжёт, что встретит,
А кто зачерпнёт её силы и
Понесётся вперёд через время в века!
Мы юны – нам всё по плечу!
Мы юны и нет страха в нас!
Мы юны и так будет всегда!
Мы юны, разве это пройдёт?!..

Неимоверная жара пришла в августе 1991 года в Сочи. Казалось, что «Азорский антициклон», о котором в прогнозах говорили синоптики – это что-то вроде летающего ящера из кошмарных снов и страшных сказок с раскалённым животом и крыльями из струй солнечного непереносимого света, зависшего над нашими головами. Какая-нибудь птица Гуль из сказок «Тысячи и одной ночи...». Почему именно это приходило мне в голову каждый день, когда мы ползли с пляжа по раскалённым бетонным дорожкам, которые, от жара вот-вот расплавятся как тесто и поглотят наши ступни в хлипких сланцах, я не знаю. Может быть потому, что про эту Гуль бабушка читала мне, когда я лежал с ангиной и температурой 39? Ну, почти как теперь в этом Адлере. Только вот Гуль вроде вовсе и не раскалялась... Жара, похоже, совсем расплавила мне мозги...

Но жара и прочее – всё чепуха, по сравнению с тем, что мы с Лёлей были здесь вдвоём. Вдвоём, только вдвоём, наконец-то! Впервые вместе, в первый раз полностью наедине...

Мы приехали сюда после зачисления в институт.

Теперь мы поступили, проучившись, год на Подготовительном отделении, организованном у нас в Н-ске в прошлом году, мы с Лёлей успешно сдали выпускные, они же вступительные, экзамены во 2-ой Московский Мед имени Н.И. Пирогова, и теперь всё, что нам оставалось – это ехать учиться. То есть сначала надо будет в конце августа получить места в общежитии, потому что мы считались «целевым набором» и общага нам полагается, а остальным – нет. «Целевой набор» означает, что нас направила учиться Область и ждёт нашего возвращения обратно уже в виде молодых специалистов.

Надо сказать, в прошлом году мы подписали договор, по которому, в случае, если мы, окончив институт, не поедем работать в любой из районов области, то должны будем выплатить 7 тысяч рублей – стоимость целого автомобиля. Однако, одержимые поступлением во что бы то ни стало, мы готовы были на всё, хотя ехать на три года в какую-нибудь дыру не улыбалось, но всё это казалось таким далёким будущим, что все подписали. Но вот прошёл год и никакого договора теперь с нас, целевиков, уже не требовали. Забыли что ли? Хотя, сейчас каждый день всё что-то новое, уследить невозможно...

Я поступил ещё в прошлом году, сдав вступительную химию на «отлично», и как золотого «медалиста», меня приняли без дальнейших экзаменов, но...

Однако об этом стоит вспомнить и рассказать... Всё, что предшествовало нашему приезду в Сочи в это лето, стоит вспомнить подробнее.

Прошедший год стал настоящим нештучным испытанием для меня, когда меня сначала пилили дома на все лады за «дурость», а потом сокрушались, что я теряю год, и меня могут забрать в армию раньше, чем я поступлю в институт. Но родился я в августе, что, очевидно, сыграло решающую роль в том, что в армию меня могли бы забрать только предстоящей осе-

ню, в осенний призыв. Теперь же я – студент и мама может не опасаться за мою будущность. Почти...

Потому что теперь у неё новый страх: теперь она боится, что я женюсь...

Но с начала...

Первое сентября в первом классе я запомнил только потому, что в этот день я впервые увидел ЕЁ – Лёлю Гуляеву.

Я не помню, что была линейка, не помню, что говорил нам директор, что сказала наша первая учительница, Елена Семёновна. Я помню только эту девочку. Под «Школьные годы чудесные», этот вальс повторяли потом каждое первое сентября из года в год до последнего одиннадцатого класса, и эта немного грустная мелодия засела в моей голове навсегда, правда её грусть и очарование я ощутил только, когда она зазвучала для нас на «Последнем звонке».

Лёля, тоненькая, с огромными мерцающими какими-то сказочными глазами, встретила мой восторженный взгляд немного растеряно, но в следующее мгновение её глаза вспыхнули и улыбнулись. Однако я перестал её видеть на некоторое время и начал бояться, что она померещилась мне.

Но какова была моя радость, когда я увидел её среди моих одноклассников, хотя в тот момент, я не знал ещё, что все эти мальчики и девочки вокруг меня, так называются.

Я не запомнил в тот день ни одного имени, кроме её. И того, что она сидит далеко от меня, через ряд, у окна. Правда, в последующие годы нас несколько раз пересаживали, но Лёля всё равно неизменно оказывалась где-то очень далеко. Но, может быть, и хорошо, потому что если бы меня посадили рядом с ней, я онемел бы, ослеп и оглох и вообще провалился бы сквозь землю. Я превратился бы в растаявшую комету, которая подлетела слишком близко к Солнцу... А так, издали, я мог питаться её теплом и светом как нормальная планета. Или почти нормальная.

Глядя на Лёлю, рассматривая её изящный профиль, смешные тонкие косички, завязанные «баранками» как у Кукушкой из «Электроника», я думал каждый день, что нет, и не может быть никого прекраснее, и что удивительно, что никто не замечает этого. Потом, когда я немного поумнел, я обрадовался, что этого никто не замечает. Правда, немного позже я узнал, что я ошибаюсь и таких как я, было, по крайней мере, несколько человек. А в восьмом классе неожиданно прозрели все...

Но, тогда, в первом классе, я ещё пребывал в убеждении, что Лёля – это только моё исключительное счастье. Приходя домой каждый день, я смотрел на себя в зеркало и понимал, что ничего во мне, белобрысом, голенастом и нескладном, с огромными зубами и носом-картошкой, такой девочке, как Лёля понравиться не может. Это доводило меня почти до отчаяния.

Однажды, у большого трюмо, в их с дедом комнате, меня застала бабушка Лариса.

– Ты, что это, Алёша, у зеркала вертишься? – немного прищурилась она, пристально вглядываясь в меня. – Тебе, что... понравилась какая-нибудь девочка? – мне кажется или бабушка усмехается?

Я покраснел, хмурясь, и думая, как бы отвертеться, нагрубить или просто сбежать, и пробормотал:

– Ну, ба... – вообще-то я очень дружу с бабушкой Ларисой, больше всех в моей странной семье, где родители в разводе, сколько я себя помню, отец давно уехал в Москву и видел я его так редко, что забывал от раза к разу, как он выглядит.

Там, у моего отца давно новая жизнь, он женат на другой женщине, и когда я шёл в первый класс, на свет появился мой брат Юра. А моя мама оставалась незамужней, вернее, разведённой женщиной.

Моя мама, Наталья Аристарховна, работала инженером на заводе, она очень красивая женщина, правда в детстве, я не понимал этого, я просто всегда её очень любил, но мы никогда

не были близки, как с бабушкой Ларисой, папиной мамой. В отцовской семье все были врачи. А с маминой стороны бабушка умерла, когда я был совсем маленьким.

Жил я с бабушкой Ларисой и дедом Ваней с четырёх лет, а мама бывала у нас в гостях. В школе, таких как я больше не было, я так долго думал, пока не узнал, что и Лёля, как и я, живёт с бабушкой...

Но всё это я узнал гораздо позднее, а сегодня моя подруга бабушка Лариса сказала мне, пытавшемуся ретироваться от её пронизательного взгляда в свою отдельную комнату:

– Знаешь, как понравиться твоей принцессе? – сказала бабушка Лариса мне, поспешившему скрыться от неё в своей комнате. – Стань самым умным, самым лучшим учеником.

Как ни удивительно, но я принял бабушкин совет сразу как руководство к действию. И стал лучшим учеником в классе. Это далось мне легко. Я всё схватывал «на лету», мне приходилось готовить дома только письменные задания, а устные я никогда не делал, всё ведь рассказывали на уроках.

Когда мы учились в седьмом классе, в школе начал организовываться, что тогда называлось, ВИА. И я оказался в первых рядах тех, кто захотел участвовать в этом. И, хотя я не учился в музыкальной школе, как другие участники группы, но оказался способным, быстро освоил гитару и, поскольку уже привык быть во всём первым, и был запевалой в школьном хоре, то и солировать тоже предложили мне. Хотя голоса у меня никакого не было никогда, я брал скорее страстью и уверенностью.

И все эти годы я не переставал смотреть на Лёлю как на богиню.

Когда я узнал, что она ходит заниматься хореографией в Дом Пионеров, я отправился туда же заниматься самбо. Наш тренер, под покровом тайны, потому что тогда это вдруг стало, запрещено, учил нас и каратэ.

Конечно, совсем уж по-рыцарски было бы прийти в Лёлин балетный кружок, тем более что мальчишек там, как обычно, не хватало. Но на это я не решился, хотя в мечтах представлял себе чуть ли не каждый день, как я стану кавалером Лёли в танце. Но я отлично осознавал, что и пальцем двинуть не смогу, не то, что танцевать, если она будет смотреть на меня, тем более, если коснётся. Поэтому я не подошёл даже к двери их балетного класса с зеркалами во все стены и чудными станками и, где царили они, похожие на маленьких белых бабочек, немного высокомерных и прелестных. Я только издали наблюдал за их беленькой стайкой, шелестящей чешками по полу по дороге из раздевалки, сразу отыскивая ЕЁ среди подруг в белых футболках и юбочках...

Я видел её и на катке зимой, мы пролезали в широкую щель в закрытых на цепь железных воротах – и так проникали на стадион «Локомотив», что был через дорогу от нашей школы, в двух кварталах от моего дома и в трёх – от Лёлиного. Она приходила с подружками, я с – друзьями. Там мы нередко развлекались тем, что гонялись за девчонками, а они с радостным визгом убегали от нас, растекаясь по льду в разные стороны.

Ещё иногда на катке включали все прожектора и музыку. Почему это делали не каждый вечер и даже не в каждые выходные, неизвестно. И это были, по-настоящему, восхитительные, почти волшебные зимние вечера, когда, залитый холодным нестерпимо ярким светом, каток казался каким-то сказочным островом, по которому мы носились на предельных скоростях, на своих выдавших виды, с ободранными носами, и замотанных серой изолентой, хоккейных коньках, и сердили взрослых степенных катальщиков...

Стать фронтмэном школьного ансамбля – это был, конечно, вообще-то неубиваемый козырь в старших классах, когда по Лёле начали сохнуть все парни не только нашей параллели, но и на год старше и моложе. Тем более, что я был парень, подкованный и имел не только кассетный магнитофон и записи, но и виниловые пластинки, которыми щедро снабжал меня отец, бывавший в заграничных поездках, как сотрудник, а в последние годы, профессор кафедры Дерматовенерологии 1-го Московского института.

Я, с двенадцати или тринадцати лет, заслушивал до полной негодности «Led Zeppelin», «Scorpions», «Pink Floide», «Nazarett», а чуть позже Ника Кейва и, конечно, «Metallica», обо-жал я и «Sex Pistols». И наших: «Воскресение», позже «Арию», «Мастера» и «Чёрный кофе». Конечно, «Аквариум» и «Кино» я знал наизусть, но моё сердце было отдано металлу.

Всё это мы играли, собираясь на репетиции. Но на школьных вечерах исполняли то, что было позволено и предписано, впрочем, к окончанию школы было уже позволено, в общем-то, всё, что угодно. И никак это не мешало никому из нас оставаться вполне себе нормальными комсомольцами...

Девчонки начали бегать за мной: подстерегать в школьных коридорах, чтобы неожиданно натолкнуться из-за угла, улыбаться загадочно, звонить домой и молчать в трубку. Это очень приятно, это выпрямляет спину и внушает уверенность, это делает привлекательным кого угодно.

Но я не слишком гордился этими успехами. Для меня была и осталась самой лучшей девочкой на свете Лёля Гуляева. Но она-то, конечно, мне не звонила и в трубку не дышала... А я так и не мог заставить себя приблизиться к ней, сказать ей хотя бы одно слово за все десять лет школы, или хотя бы посмотреть ей в глаза.

И вот придвинулся Выпускной, как неотвратимая катастрофа, как апокалипсис для меня, ведь после мы все расстанемся с Лёлей навсегда... Только это и заставило меня, наконец, тря-саясь и чувствуя сердце не то, что в пятках, а в кончиках всех моих пальцев, наконец, подойти к Лёле и пригласить её танцевать...

Это неправда, что я не замечала Лёню Легостаева. И я помню его с первого сентября в первом классе, с первой встречи на линейке возле школы. Тем более что после я ни разу не встретила его глаз.

Я чувствовала иногда, что он на меня смотрит или это мне казалось, потому что очень хотелось, чтобы он на меня смотрел. Он проник мне в душу, в самое сердце, с того, самого пер-вого взгляда, сразу и навсегда. Его тогдашний взгляд, такой ясный, яркий, ободряюще заинте-ресованный, такой прозрачно-светлый, искрящийся будто бы радостью от того, что он увидел именно меня, в тот наш первый день в школе, этот его взгляд вселил в меня уверенность и спокойствие. Если бы не он, я бы, наверное, расплакалась от волнения и растерянности, потому что я не очень понимала, куда я попала, так много здесь людей и все чужие. Какие-то дети, какие-то взрослые... Словом, если бы не Лёня, этот день, первое сентября 1980 года, стал бы самым ужасным днём.

Но получилось всё наоборот. Теперь я хотела идти в школу, потому что знала, что увижу там ЕГО, Лёню! А он – самый умный, самый весёлый, самый красивый, самый лучший мальчик на свете.

Я много где встречала Лёню, и всегда его присутствие будто вливало в меня силы и радость. Не знаю, почему он никогда не смотрел на меня, но я всегда ощущала, что он видит, больше того – чувствует меня, как тогда 1-го сентября.

Как мне мечталось, что его посадят со мной за парту! Когда я ложилась спать, я каждый вечер представляла себе эту картину. Как другие мечтают о принцах, феях, каретах, сказоч-ных приключениях, или космических путешествиях, так я мечтала сидеть рядом с Лёней. Все мальчишки, с кем я оказывалась за партой, неизменно влюблялись в меня, я это знала и наде-ялась, что и если Лёня сядет рядом со мной за парту, тогда... Я не представляла дальше, я только мечтала, что он окажется близко и снова посмотрит на меня как тогда, в первом классе, но такого не случилось. А когда в старших классах можно было выбрать самим, с кем и где сидеть, я не решилась, конечно же, пересесть к нему, и он не сделал этого...

Когда он стал играть в школьном ансамбле, то моментально стал школьной «звездой» номер один, гораздо больше, чем все остальные участники. Девчонки с придыханиями обсу-ж-

дали, в чём он пришёл сегодня в школу, что за значок у него, какие кроссовки, и так далее. У нас была очень либеральная обстановка в школе, словно перестройка у нас началась куда раньше, чем в целом по стране и поэтому старшеклассники в джинсах и с длинными волосами никого не шокировали. Такого в большинстве других школ города не могли себе позволить.

И наши «музыканты» выглядели как настоящие рокеры. И играли, между прочим, может и не слишком хорошо, но главного – огня, у них было с избытком. Бывало, что и я с другими девочками подглядывала за их репетициями.

Они на этих репетициях пели песни собственного «производства» – это было самым лучшим, что они делали. Тогда я не знала, что все эти песни сочинил Лёня. Стихи все были его, а музыку он предлагал мотивом, наигрывал на гитаре, а ребята, знавшие и нотную грамоту и особенности и правила построения мелодий, облагораживали и придавали «лоска».

Но сыграли они «свою программу» только на нашем Выпускном, воспользовавшись тем, что это была последняя возможность.

Это был необыкновенный концерт.

Я бывала пару раз на рок-концертах, на нашем стадионе. Но там группы выступали на сцене посреди футбольного поля, а мы, зрители, сидели на трибунах – очень далеко, ближе не пускали, почувствовать энергию на таком расстоянии очень сложно.

А наши ребята были рядом. Лёня был рядом.

Как они играли! Как он пел! Как быстро бежали по струнам и грифу его длинные пальцы! Как красиво, ладно он двигался, будто сто лет на сцене! Музыка стеной наступала, била в грудь, заполняла до макушки. Но меня заполняло не только это, а восхищение, восторг от того, какой, в эти минуты, пока они выступали, был Лёня, как он раскрылся, какая сила, целые потоки энергии он излучал...

Все кричали и подпевали, подняв руки. Несколько человек родителей, немного удивлённые, даже слегка озадаченные, наблюдали издали за нами...

И вот, после этого концерта, Лёня вдруг подошёл пригласить меня танцевать...

Ещё утром, готовясь к сегодняшнему балу, я собиралась как на траурное мероприятие – это последний раз, когда я увижу Лёню. Завтра – всё. Все разлетятся по разным городам, мы не увидимся больше и как я без него? Я десять лет, будто от батарейки питалась мощной энергией своих тайных и неопределённых даже мною самой чувств к нему, и вот всё заканчивается – я остаюсь без него... Об этом я думала сейчас, сидя у зеркала, укладывая волосы в высокий пучок, а мама говорила что-то...

– Что ж ты медаль-то не потянула, Ленуся? – мама подала мне расчёску. – Теперь попробуй, не поступи...

– Оставь девочку хотя бы сегодня, Юля, – улыбнулся мне в зеркало дядя Валера, мамин муж, за которого она вышла два года назад.

Он был моложе мамы на шесть или семь лет, обожал её, впрочем, как и все многочисленные мамы мужа. Но дядю Валеру, наверное, любила и сама мама, потому что теперь они ждали ребёнка, который должен родиться осенью. К тому же они поженились на самом деле, расписались в ЗАГСе год назад. Мама была необыкновенно хороша в белом костюме с узкой юбкой и жакетом с модной баской-юбочкой, на умопомрачительных каблуках восхитительных австрийских туфель. Она всегда носила шпильки легко, будто родилась с ними.

Мой родной отец умер, когда я была совсем маленькой. Мама говорила, что от пьянства, но его мать, моя бабушка Таня, говорила – от любви. Бабушка Таня после этого переехала жить на Северный Кавказ и меня туда отправляли в дошкольные времена на полгода, а с началом учёбы в школе, на всё лето, потому что мамина мама, бабушка Вера, с которой я жила с раннего детства продолжала работать акушером-гинекологом в родильном доме. Кстати, они были знакомы с Лёниной бабушкой Ларисой.

У меня деда не было. Вернее, он был, но они с бабушкой развелись так давно, что даже моя мама его почти не знала, что уж говорить обо мне. Да и жил он где-то в Сибири.

И у бабушки Тани был развод с моим дедом и теперь на его месте был дед Алексей, который ко мне, относился не хуже, чем к родной. И бабушку Таню он любил. Мне нравилось гостить у них.

С бабушкой Верой мы жили очень дружно, только мама вносила сумятицу в нашу жизнь, появляясь в ней, вот, как сегодня.

Я улыбнулась дяде Валере благодарно. Мы с ним, можно сказать, дружим, не как с прочими мамиными мужьями. Вообще, он очень добрый. И мамин дурацкий характер терпит. Любит должно быть, может, за красоту?

Я не слишком похожа на маму. Но получила от неё всё лучшее. Как и от отца. Я легко училась, уроками почти не занималась, но к репетитору для поступления ходить пришлось – для вступительного экзамена по химии школьной программы было недостаточно.

Я не знаю, куда собирается поступать Лёня, и ужас от того, что Выпускной – это последний день, когда я вижу его, сжимает мне душу... Что я буду делать завтра? Даже перспектива поступления и учёбы в институте не помогает мне не чувствовать себя такой потерянной и одинокой?..

Этот их концерт получился настоящим рокерским концертом... Все кричали и махали руками, как настоящие фанаты, хотя никто ещё не успел даже выпить, тайком принесённого алкоголя, пританцовывали и прыгали. А я смотрела на Лёню, я слушала, как он поёт и моё сердце ныло от сознания того, что это последние часы, когда я смотрю на него, когда я слышу его и он так прекрасен...

«Нам поют о переменах.
О переменах все говорят.
Грезят все о переменах.
Мы все их жаждем.
Мы все их ждём.
Перемены на пороге,
И уже раскрыли дверь.
Что за ними?
Что нас ждёт?
Мы дети асфальтовых джунглей.
И рисунков мелом на нём.
Мы дети правды и вранья.
Мы дети старой и новой Истории.
Что мы сделаем завтра?»

Нам говорят, что прошлого Боги –
Это монстры сегодняшних дней.
Кем станем мы завтра?
Монстрами будем или богами?
Как мы построим свой мир?
Наш мир – будущее?
Мы дети асфальтовых джунглей.
И рисунков мелом на нём.
Мы дети правды и вранья.
Мы дети старой и новой Истории.
Что мы сделаем завтра?»

Что мы сделаем завтра?
Чем станет завтра?
Для мира, для нас?
Мы станем монстрами или богами?
Что мы сделаем завтра?..
Что завтра?.. Что завтра!.. Завтра!!...»

– Потанцуешь со мной? – Господи, Лёня передо мной, это он сказал мне...

Он подошёл неожиданно, я не видела, как он идёт ко мне... я думала, этого никогда не может быть и завтра моё солнце закатится уже насовсем. Поэтому я просто стояла после того, как они закончили петь даже на бис, а все остальные начали уже танцевать под магнитофонную музыку, кажется, под «Мираж».

Лёня подал мне руку. У него тёплая ладонь, только самые кончики пальцев холодны, может и он волнуется, как я? Но когда я положила в его руку свою, она у него сразу согрелась, стала горячеей...

Вблизи он... Такой... настоящий... Самый настоящий живой человек... не мечта, не сон, из какого моего вечера.

Волшебный волнующий аромат и тепло его тела, у меня кружится голова и в животе разлился жар, от волнения и удовольствия, что он легонько обнял...

...её спину. Её спина, такая нежная и чуткая под моими пальцами, будто на ней натянуты струны... Её волосы пахнут так сладко, они защекотали мне лицо, которое я приблизил к ней...

...У него твёрдые горячие плечи под рубашкой, я почувствовала, какие на них пружинистые мускулы... раньше я только издала на физкультуре видела их, я даже не могла предположить, как это – коснуться их...

Она двигалась так легко, так послушно, будто ни трения, ни силы тяжести больше в этом мире нет...

Его тёплое дыхание качнуло пряди волос на моём виске, на моей шее, расходясь горячими волнами по моему телу, до кончиков пальцев, заставив их дрожать...

Ладонью я почувствовал, как играют тонкие длинные мышцы на её спине, и от моей ладони, ощущающей это, будто искорки разбежались по моему телу, мне захотелось прижать её к себе ближе, животом и грудью почувствовать её...

Я никогда ещё не обнимал девушек, никогда ни к одной из них не был так близко... Мои фантазии и сны были все только о ней, о Лёле. И вот она здесь... я почти задыхаюсь... ещё решит, что я ненормальный... Сам не знаю, как я осмелился предложить ей, тихо произнеся близко-близко около её уха:

– Давай... а... Можно... м-м... можно я провожу тебя домой? – будто кто-то более смелый, взрослый и прозорливый в моей голове произнёс эти слова.

Ещё никто не расходился. Выпускной гуляют до самого утра, встречают рассвет и тому подобное, сейчас был едва час ночи... Я замер, ожидая, что она ответит.

Она кивнула и повернула ко мне лицо, улыбаясь:

– Конечно... можно...

Можно! Конечно, можно! Я становлюсь лёгким и ясным как никогда... И таким сильным.

– Идём? – я протянул ей руку. И смелым!

Неужели, я, правда, идём с ней, С Лёлей!?! У меня так кружится голова, что я почти ничего не вижу. Пока мы забирали плащ и ветровку, на улице обычная июньская погода – сырая, пахнущая сочной листвой прохлада и влажность...

Выйдя из здания школы, мы, не сговариваясь, оглянулись на него и засмеялись от сходства наших действий, а значит и мыслей. Нам сразу стало так легко, будто мы с ним все эти десять лет были вместе, как сейчас, а не смотрели украдкой друг на друга...

Но разве мы не были вместе все эти десять лет?..

– Твои поклонники не заревнуют, что ты ушла со мной? – сказал я, подразумевая, что даже за то, чтобы вести Лёлю от актового зала, где нам вручали аттестаты, наши пацаны чуть не подрались.

– Ну, я всё же главную «звезду» школы выбрала, – улыбнулась она.

А потом, помолчав несколько секунд добавила:

– Вы очень здорово играли. Я не думала, что...

– Да ну!.. – смутился я, хотя это правда, мы сыграли классно. Наверное, потому что знали, что это в последний раз в школе.

– Правда-правда! Прямо какая-то русская «Металлика»!

Вот тут я удивился, мало, кто из девочек слушает такую музыку. Особенно Лёля, нежная, утончённая в этом шёлковом платье...

Но Лёля засмеялась моему недоумению:

– Да я бы не знала, но у дяди Валеры, маминого мужа, есть видеокассеты. Он любит рок. Маме не нравится, она говорит, это «безумный бестолковый шум и мотанье волоснёй и вообще все они из психушки сбежали», – она засмеялась, изображая свою маму. – Но мне очень нравится. И вы играли так же.

– Ещё скажешь, я на Хэтфилда похож, – усмехнулся я, смущаясь, потому что невольно подражал, конечно, американцу.

– Не скажу. Ты – в сто раз лучше, – сказала Лёля и даже не усмехнулась.

Я покраснел до ушей, к счастью, в темноте ночи она этого не видит.

От школы до Лёлиного дома идти минут десять, но разве мы пошли домой? В довольно ощутимой прохладе, после дождя, который днём испортил нам шествие по городу, мы холода не чувствовали, хотя дрожали оба. Мы чувствовали только свежесть июньской ночи, пахнущей влажной землёй и холодными лужами, одуванчиками, закрытыми на ночь свои цветочки, сладким липовым цветом и листьями, потому что брели по аллее в городском, засаженной липами парке.

Чтобы не смущаться больше, я спросил её об этом её дяде Валере, и разговор сам собой вышел на наши семьи, и тут мы многое узнали друг о друге, чего не знали раньше.

А ещё выяснилось, что поступать мы собираемся в один институт.

Вот вам и «последний день Помпеи»... Это так обрадовало нас, что мы взялись оживлённо обсуждать и репетиторов и задачки по химии и прочую чепуху, увлекаясь всё больше. Лишь бы только говорить и говорить ещё и ещё. Нам, оказалось так легко говорить друг с другом...

– А почему ты не в Первый институт поступаешь? Там же твой отец.

– Поэтому и не поступаю, что там отец. Будут все говорить: «вон сынок профессорский, всё по благу у него».

– Кто тебя знает, так даже не подумают, а кто не знает, чёрт с ними, – сказала Лёля. – Разве нет?

– Так-то оно, конечно, так, и всё же... – мне так приятна её смелая уверенность во мне. Как давешнее: «Ты – лучше»...

– Это потому что ты знаешь, что поступишь. А я вот...

– И ты поступишь, – убеждённо сказал я.

– Поступлю, конечно, куда я денусь, всё равно сколько раз поступать, но... А... Ты почему решил врачом стать?

– Не знаю. Всегда только врачом и представлял себя. А ты?

– И я! Я же с бабушкой...

Я засмеялся. Мы только что об этом уже говорили. Только я ещё рассказывал и про дедушку, за которым я тоже с детства неотступно таскался в больницу, он брал меня смотреть

на операции. Так что, я студент тоже не буду совсем неопытный... Странно, что не так близко, как могли бы, общались наши бабушки.

Мы дошли всё же до её дома, пора была прощаться.

– А... Ты... Ты что завтра будешь делать? – спросил я, понимая, что расстаться и не знать, когда я её снова увижу, я не в силах.

– Ничего.

– А... Пойдём в кино? Можно, я позвоню тебе? Только я... номера твоего не знаю, – тут я соврал, я знаю её номер и звонил ей не раз, чтобы услышать её голос и бросить трубку. Я все десять лет так делал, но я не хотел, чтобы она догадалась, что я такой дурак. Поэтому я опять покраснел сейчас, но в неверном свете фонаря, возле её подъезда она, может быть, не заметила?..

На следующий день мы пошли в кино, смотрели какой-то французский фильм о бунте в женской тюрьме. Но содержание меня не увлекало, я совсем не следил за тем, что происходило на экране. Главное, что я чувствовал – это её присутствие рядом.

Коснуться её руки в темноте я не посмел, и пошевелиться боялся, чтобы не толкнуть её плечом ненароком...

А когда закончился фильм, мы вышли на улицу, и, оказалось: пошёл дождь, и мы долго стояли под козырьком кинотеатра, потому что зонтиков у нас не было. Я заметил, что Лёле холодно и отдал ей свою джинсовую куртку, хотя она сопротивлялась:

– Ты простынешь...

– Нет, – уверенно сказал я, улыбнувшись ей, сейчас я не простыла бы даже на морозе, потому что рядом она.

Глава 2. «Две звезды»

... да, жара в это лето Сочи невероятна, к тому же, комнатка, которую мы снимаем, в чистой и уютной белой мазанке, окнами на запад и здесь очень жарко как в духовке, так что мы держим окна открытыми и днём и ночью и, по-моему, за нами постоянно подглядывают...

Мы стали встречаться каждый день, всё больше времени проводя вместе. И теперь расставались только на время необходимое для посещения репетитора, но я начал его прогуливать, чтобы встречаться с Лёлей. Лёля не знает, что я так делаю, своего не прогуливает.

Скоро она пригласила меня домой. И я познакомился с её бабушкой Верой Георгиевной. Удивительным образом она оказалась похожа на мою бабушку Ларису, такая же сухопарая и высокая, даже манера говорить похожа. Удивляться, впрочем, не приходится: они ровесницы и работают даже в одной больнице, только моя бабушка ревматолог.

Удивилась гораздо больше Вера Георгиевна, когда Лёля познакомила нас:

– Алёша Легостаев? Так твой отец – Кирилл? Кирилл Легостаев?!

– Ну, да, Кирилл Иванович, – сказал я, не очень понимая, почему она смотрит на меня так, будто видит что-то удивительное перед собой.

...Да есть, вообще-то, чему удивляться, Лёня похож на отца поразительно, а я хорошо знаю Кирилла: юношей он бывал у нас чуть ли не женихом Юленьки, матери Лёли, и было это сразу после школы, вот как у них, у Лёли и Лёни теперь. Продлилось несколько лет, Кирилл учился, приезжал раз в неделю на выходные и каникулы, и для Юли он был первая любовь. Долго плакала потом ночами, даже за Гуляева пошла, по-моему, только чтобы ему, Кириллу, отомстить за то, что он женился на матери Лёни. Но, и там и там не сложилось...

Удивительно, как тесен мир, удивительно как эти дети теперь с Леночкой нашей влюбились. Будто новый виток спирали...

Недели бежали одна за другой, скоро уже и экзамены в институт, а я совсем забросил подготовку.

Мы с Лёлей условились последние два дня до первого вступительного экзамена по химии не встречаться, подготовиться. Поэтому вероятно, сегодня мы задержались с прогулки после кино до глубокой ночи. И едва не заплатились.

Я, в так называемые неформальные группировки, особенно не входил. То есть классе в восьмом-девятом это казалось привлекательным, будоражила такая разбойная романтика. У всех у нас были клочки. Мы собирались под началом старших парней. А иногда и сами, чтобы поболтать ни о чём. А потом пойти набить морды тем, кто жил на соседней улице. И добро бы за девчонок дрались или ещё по какому-нибудь мало-мальски значимому или интересному поводу – нет. Это просто со скуки происходило и от безделья.

Поэтому мне надоело очень быстро, и я перестал встречаться с теми приятелями. Хотя клочка «Лютер» за мной закрепились, и даже в школе меня так звали друзья, да и одноклассники.

И вот, в этот поздний вечер мне пришлось вспомнить тот мой опыт.

Вечер был очень тёплый, даже жаркий, даже ветра не было, мы шли вдоль привычных улиц, всё кружа и кружа, приближаясь к Лёлиному дому. Обсуждали просмотренный фильм какой-то фантастический боевик, про киборга, который почти стал человеком, и неожиданно...

На нас набрели те самые, которых я нередко успешно колотил пару лет назад. Если бы я был меньше увлечён нашим с Лёлей разговором, я заметил бы их издали и мы избежали бы этой встречи.

Один нёс кассетник на плече, орущий «Белые розы», это у них гимн?

Глумливой радости у этих красавцев в «варёнках» и, второй год немодных, клетчатых штанах на толстых ляжках, не было предела:

– О, Лютер, рванина, салют! Ты патлы отрастил, – противными, елейными голосами заговорили они, сплёвывая свои дешёвые сигареты.

– Я слышал, совсем металлоюй заделался!

– Да нет, он теперь из чистеньких, на улицу не ходит, в институт готовится...

– Ну-да, ну-да, с девочкой хорошей...

– Две «звезды» из нашей школы!

Я отодвинул Лёлю себе за спину, разглядели уже, кто со мной, тут есть из нашей школы, ещё каверзу дурную удумают.

– Да какая это «девочка»?! – вдруг оскалился какой-то коротышка со сломанным передним зубом. – Это ж Лёлька-проститутка с нашего двора! Она с пятнадцати лет с отчимом своим живёт! Мокрощелка!

– Так может и нам даст?!

Я не жду больше. Сказанного достаточно, чтобы этому похабному придурку все его зубы поганые выбить...

Их человек было двенадцать, но я не зря учился в своей спортивной секции всё же. Мало того, что они получили все и очень быстро, я никому не дал даже приблизиться к Лёле, и, воспользовавшись моментом общего замешательства, я схватил её за руку и дёрнув, крикнул ей, растерянной, прямо в ухо:

– Бежим!

Я знаю, они сейчас очухаются и погонятся за нами, если догонят, разозлённые и уже подбитые мною, то... Думать об этом не хотелось.

К счастью Лёля сегодня в туфельках на плоском ходу... мы побежали очень быстро и всё же услышали за спинами их свист и крики: «Лютер! С...а! Кишки выпущу!», мат и всяческие ругательства, а главное – их тяжкий топот. Но мы успели всё отбежать достаточно, чтобы незаметно нырнуть в темноту возле старого дома с полуразвалившимся косым крыльцом и густым кустом сирени под окнами. И здесь замираем в темноте.

Толпа разъярённых парней, распространяя запах недельного пота, сигарет, портвейна и нечищенных зубов, пробежала мимо.

Я знаю этот дом и этот двор, здесь можно пройти на соседнюю улицу, там сталинские дома, большие замысловатые подъезды, хорошо было в детстве в прятки и казаки-разбойники играть... Пропустив банду и подождав для верности пару минут, мы с Лёлей прокрались туда. В одном из этих подъездов мы и притаились.

Страшно. Я смотрела на него в полумраке пропахшего картофельными очистками, подъезда, с мягкими и тихими деревянными ступеньками, освещённого только светом уличных фонарей, Лёня нарочно вывернул лампочку, чтобы нас не могли увидеть с улицы в окно подъезда. Но его лицо было возбуждено, не напугано... на скуле кровь и на переносице, губы тоже он вытер тылом кулака...

– Досталось тебе всё же... – тихо-тихо, едва слышно сказала Лёля, глядя на меня.

У неё так блестели глаза, она так смотрела на меня в этой тревожной темноте...

Я не целовался ни разу в жизни. Я всегда знал, что хочу поцеловать только одну девочку... Только эту – и вот она и я целую её...

Мы прильнули друг к другу, смешав дыхание, соединив наши губы, всё сильнее сближая их, почти сливаясь в одно...

...Мне много раз снились жаркие сны, когда я просыпался с колотящимся сердцем, понимая, что происходит, что произошло, лежал подолгу обессиленный, и чувствовал себя испачканной жертвой заговора моего тела и неумолимого взросления против меня...

Но не сейчас. Сейчас я не был такой жертвой. Я во власти возвышенного, поднявшего нас обоих над землёй чувства, как на...

... картине Шагала... Да, мы воспарили, я растворилась разом в прикосновениях его рта, таких необыкновенно прекрасных, его рук тёплых и добрых, и снова его губ...

...её неопикуемых губ... горячих и восхитительных, куда там до этого всем моим разгорячённым снам и тем беспредметным оргазмам... Наверное...

...если сейчас умереть...

...то не заметишь...

...потому что я в Раю...

Я отрывался на мгновение от её губ только чтобы прошептать, совсем задыхаясь:

– Я люблю тебя!.. Лёля... Я так люблю тебя! – прямо ей в лицо.

– И я! И я люблю тебя! – она обожгла мне губы своими словами и я целую её снова. Вновь взлетая, чувствуя сладостный жар в животе...

... в животе, охватывающий, меня всю...

...Мне кажется, я потеряю сознание от счастья...

Никто и никогда не прикасался ко мне. Да и не мечтала ни о каких прикосновениях. Ни о поцелуях, ни тем более о чём-то большем. Фильмы, во множестве появившиеся в последние годы с вездесущими эротическими сценами, вызывали во мне отторжение и чувство гадливости. Сейчас, в эти мгновения я поняла почему: там не было и тени любви... А я сейчас отдавалась любви и испытывала восторг и души и тела вместе...

Я не знаю, сколько времени мы процеловались тут и сколько стояли, прижимая друг другу наши тела, позволяя себе касаться руками голов, волос, плеч и спин друг друга. У Лёни оказались на удивление мягкие волосы, они так прекрасно пахли и светились в темноте каким-то лунным блеском, будто набрали света за день и теперь отдают... зарываясь в них пальцами, я могла гладить его горячую голову, его длинную мускулистую шею. Я обнимаю его плечи и спину, с желанием прижимая к себе... Оказывается, я знаю, что это такое – желание...

Она такая тоненькая в моих руках, её талию я могу обхватить пальцами, сползая ими по её чуткой спине... С волос со щелчком отскочила заколка, выпустив их на волю. Этот густой и мягкий, пахнущий сладко, шёлк такой тёплый... Может, Лёля превратилась в цветок, полный сладкой пыльцы и нектара...

Я не знаю, сколько бы мы ещё не отрывались друг от друга, но провернулся где-то близко дверной замок, и со скрипом открылась старая дверь, прошуршав, отошедшим дерматином обивки по порогу, старушечий голос ворчливо, но не зло, а словно улыбаясь, проговорил:

– Ну, иди-иди, гулёна, спать не даёшь никому, разоралси... Учти, Барсик, блох нанесёшь, в дусте купать буду, не обижайси!

– «Спасибо»! – мявкнул невидимый Барсик, будто отвечая невидимой же хозяйке.

Прослушав этот диалог, мы засмеялись, зажав рты, и побежали из этого подъезда...

– Смотри, лампочку-то я украл... – сказал Лёня, показывая лампочку, что засунул себе в задний карман джинсов.

Я засмеялась:

– Так вот кто лампочки везде тырит! Хоть будем знать!

Мы засмеялись вместе.

Мы посмотрели друг на друга, нам даже не темно в этой ночи, как мы можем не увидиться завтра?..

Мы оба безошибочно поняли, что то, что случилось с нами только что, у нас обоих было впервые в жизни. Нам не надо спрашивать об этом, мы это почувствовали, без слов.

Я счастлив совершенно.

И я счастлив, что не торопился и не пытался «учиться» с другими девушками какому-то там мастерству поцелуев, разве оно было нужно? Я счастлив, что не было у меня никаких

случайных девчонок, перед которыми я чувствовал бы неловкость и стыд за то, что прикасался к ним ничего не чувствуя в своей душе...

Лёлины слова горят во мне. На моих губах, на моём животе, которым я прижимался к ней, на моих руках остался огонь, я задыхаюсь от счастья...

Этой ночью мне приходят такие видения, что мне больно утром...

А ещё утром бабушка ужаснулась открывшемуся утром виду моей физиономии, а дед захохотал:

– Хорош! Ну, хорош! Гляди, Лариса, каков наш-то придёт на экзамен: волосатый, с бланшем, с разбитой мордой – чистый бандит-неформал!.. Я не могу! Абитуриент! А-Ха-Ха-Ха! – у него слёзы выступили на веках от смеха.

– Тебе смешно, у ребёнка, может, сотрясение! – воскликнула бабушка.

Но дед захохотал ещё веселее:

– Трясение у «ребёнка», ага! Ещё какое! Целовался полночи, вон, губы разнесло до носа! Иди, умывайся, герой... ха-ха-ха... любовник!

Когда я вышел уже к завтраку, дед всё так же усмеялся, шурша газетой «Правдой», но ничего не говорил, пока я не съел почти весь завтрак: яичницу из трёх яиц. А когда, я поставил тарелку в раковину, собираясь вымыть, добавил всё же, лукаво выглянув поверх газеты:

– Слава Богу, а то я, признаться, беспокоиться начал: семнадцать лет парню, ни одной девочки, волосы эти...

Я посмотрел на деда, не очень понимая, о чём это он говорит, а бабушка, покачала головой, глядя на него:

– Чёрт-те-что в голове у тебя, Иван!

– Да заволнуешься, знаешь ли, старший внук и...

– Ну, хватит, разговорился! – бабушка начала сердиться, хмурясь на него.

– Когда познакомишь с невестой-то, Алексей?

– Дай экзамены сдать дитю! – бабушка Лариса, шутливо ударила деда вафельным полотенцем по плечу.

Он засмеялся, блестя молодыми глазами.

– Ну да, «дитё» сейчас только об экзаменах и думает!

Вообще, при том, что родители мало присутствовали в моей жизни, я никогда не чувствовал себя брошенным, рядом с бабушкой и дедом, купаясь в их любви ко мне и друг к другу, я был счастлив всю мою жизнь и никогда не был одинок. Вот и сейчас, глядя на них, мне казалось, они мои ровесники...

Я ушёл в свою комнату, затянув с собой телефон, просунув провод под дверь, чтобы не пережать, когда закрою. Конечно, я позвонил Лёле...

Эту ночь я маялась от жарких, жадных, яростных сновидений, закончившихся внезапной вспышкой, пробудившей меня... Я впервые испытала то, что называется оргазмом... Я сразу поняла, что это. Не надо ни объяснений, ни описаний... Это так неожиданное и потрясающее продолжение сегодняшнего вечера в подъезде, Лёлиных поцелуев, прикосновений... И сейчас в волнах не полностью отпустивших меня видений, бьющегося сердца, в полной темноте, нарушаемой только светом фонаря, во дворе, создающем привычные тени на стенах, я понимаю, как изменился мой мир, изменился навсегда, стал новым, сложным, богатым, ярким и цветным, в нём больше звуков, цветов, оттенков и чувств, столько, сколько не было ещё никогда раньше...

Я не могу думать ни о чём, ни о ком, кроме Лёни. И утром, заметив блуждающую по моему лицу улыбку, бабушка Вера покачала головой:

– Завалишься в институт, мать поедом съест.

Я посмотрела на неё, не в силах не улыбаться всё равно, подперев подбородок рукой, и не глядя на остывающий завтрак.

– Что, так влюбилась? – спросила бабушка Вера уже с улыбкой в голосе.

Я только вздохнула, всё так же блаженно улыбаясь, что отвечать?

– Поступи только, а там, влюбляйся, – сказала я, глядя на внучку, ещё похорошевшую со вчерашнего дня, думая, что вот поступят и разведутся на том всё и закончится... Меня не беспокоит эта неожиданная любовь, в юности положено влюбляться.

Мы уговаривались с Лёней не встречаться сегодня и завтра, суббота и воскресенье, в понедельник экзамен, но... Лёня позвонил. Мы проболтали, наверное, час или дольше.

А потом он и вовсе пришёл сам.

Лицо его сегодня выглядело куда хуже, чем вчера, синяки налились чернотой, скула опухла и кривила его правильное лицо.

– Что, страшный совсем? – засмеялся он, очевидно, прочитав ужас на моём лице.

И я засмеялась, кивая, потому что правда, страшный.

– Лёль... А... Идём к нам в гости сегодня? – неожиданно предложил он, просительно заглядывая мне в глаза. – Познакомишься с моими.

Я смутилась немного, хотелось отказаться, я не ожидала такого предложения... но... Он ведь приходит к нам и знаком с моей бабушкой... Словом, мы пошли к Лёне, хорошо, что бабушки нет, иначе, получила бы я, что опять не готовлюсь.

Мы с Лёней купили пирожные в «Чайке» – главной «Н-ской» кулинарии и кондитерской. Корзиночек с кремом за 22 копейки, трубочек, это была удача, их делают не каждый день, и эклеров. Все эти «рады» продавались в эту цену всю нашу с Лёней жизнь, сколько мы себя помнили, как и московские плюшки за 12 копеек, сочни, сметанные лепёшки, молочный коктейль за 11 копеек, а мороженое по 10 и 15 копеек. Со всей этой купленной кондитерской радостью, сложенной в кульки из серой бумаги, и с коробкой, в которую нам упаковали корзиночки, мы направились к Лёне домой, я – с всё большим волнением, Лёня с улыбкой.

Они тоже жили в сталинском доме, вроде нашего с бабушкой, только у них было три комнаты, а у нас две. И дома похожи, и подъезды. Но наш двор был на три дома, как сад, давно одичавший, конечно, но красивый, пышно цветущий по весне, с круглой клумбой посередине, где на Новый год ставят ёлку с огоньками, что создаёт по вечерам особенный свет на эти две недели от Нового года до Старого Нового года. У них же двор большой, соединяющийся с соседними, проходной, совсем не такой уютный и похожий на домашний как наш.

Мы вошли в прихожую, здесь приятно пахнет дорогим табаком, должно быть, это Лёнин дед курит. В просторной прихожей большая – старинная вешалка-стена с барьером из тёмного дерева, как в фильмах про дореволюционную жизнь.

Из кухни выглянула бабушка Лёни:

– Алёша... – увидев меня, она замерла, чуть ли не с открытым ртом...

– Бабуля, это Лёля, познакомься, – улыбаясь как-то особенно, гордо, что ли, сказал Лёня.

И придвинулся ко мне, чувствуя моё волнение.

Я улыбнулась, стараясь не цепенеть. Мы, между тем, прошли на кухню, Лёня поставил коробку с пирожными и положил кулёк на стол.

– Мы трубочек с кремом купили и эклеров, да, и корзиночек ещё, – сказал он. – Лёля, это моя бабушка Лариса Аркадьевна.

Появился и дед, улыбнулся, одобрительно взглянув на меня, а потом заинтересованно – на Лёлю:

– Не откладываешь в долгий ящик, я смотрю, да, Алексей? Как зовут прекрасную незнакомку? – щурясь от удовольствия, спросил он.

– Это Лёля, а это мой дедушка...

– Иван Алексеевич Легостаев, позвольте отрекомендоваться, – немного шутя, сказал дед.

Ему понравилась Лёля, я вижу это по его лицу – повеселевшему, по заблестевшим глазам. Мне это приятно и странно было бы, будь иначе.

Сегодня я узнала ещё много нового о Лёне, вернее, о его близких. Оказалось, эта семья, старинный Н-ский род, и отец и дед деда были врачами, вот такая уже длинная династия. И дом тут был у деда Ивана Алексеевича, то есть у Лёниного прапрадедушки:

– Сейчас модно предками кичиться, это раньше мы помалкивали, – дедушка Ваня красноречив и разговорчив как никогда, я не помню, чтобы он когда-нибудь говорил так много и так интересно рассказывал.

Про дом на углу улиц Баумана и Королёва, с мезонином, где жил некогда Афанасий Филиппович Легостаев, дед деда Вани, я знал давно, но только сегодня испытал настоящую гордость за предков, славную Н-скую семью. А вдохновлённый новой слушательницей дед рассказывал и рассказывал, что знал от своих отца и деда и о Земстве, об эпидемиях и холерных бунтах и всевозможные истории и байки, подобные которым, я читал у Вересаева и Булгакова.

Но Лёле было интересно и мне приятно, что она искренне интересуется и слушает внимательно без скуки, моего вдруг не в меру оживившегося дедушку.

Я в свою очередь наблюдала за всеми участниками сегодняшнего нежданного знакомства. Когда дети ушли, я сказала Ивану:

– Ты знаешь, что это за девочка?

– Тебе не понравилась? – спросил Иван, всё ещё продолжая улыбаться, будто прелестная Лёля всё ещё здесь.

– Почему же, понравилась как раз, – правдиво ответила я. – Между прочим, это дочка Юли Соколовой. Ты помнишь Юлю?

– Погоди-ка... Юли?... Какой это Юли? Это что, той Кирюшкиной Юли? – удивился Иван. – Не может быть... И не похожа вроде...

– Я видела их на Выпускном. Это ты внимания не обратил, – продолжила я, убирая со стола чашки и несъеденные пирожные.

– Подожди, Соколовой Юли, из-за которой Кирилл чуть не сбежал со своей свадьбы?! – уже по-настоящему, как я рассчитывала, удивился Иван. – Ничего себе... Ну!.. И наш мальчик влюбился в её девчонку!?

Иван закурил, качая головой, будто не веря и продолжая усмехаться, поставил с собой рядом толстостенную пепельницу.

– Вот и я удивляюсь, что он выбрал именно Юлину дочку. Индийское кино.

– Но, какая красивая девочка, а, Лариса? Вкус у мальчишки есть.

– Вкус мы воспитали, что ж... – улыбнулась я.

Мне Лёля понравилась, и куда больше, чем в своё время, её мать Юлия. Юля была легкомысленна немного и, на мой взгляд, не слишком умна, а Лёля... Производит впечатление серьёзной девушки. Тургеневская барышня, коса, незамутнённый взгляд... Я думала сейчас уже и не осталось таких. И вот, поди ж ты, наш Алёша, отыскал как раз такую. Рядом с ней сегодня со своими боевыми ранами, он глядел настоящим героем. Хотя и забавно: барышня и хулиган.

Мы дошли до моего дома, надо разлучиться, идти готовится... Всю дорогу мы только и говорили, что о том, что рассказывал Лёнин дед.

Самому Лёне чрезвычайно приятно, что мне было интересно, что понравились его дедушка и бабушка.

Мы зашли в подъезд, ещё светло и во дворе соседи оглядели нас со всех сторон, обсуждают каждый раз, должно быть...

Я не мог не поцеловать её, но и поцеловать вот так посреди ярко освещённого солнцем подъезда – это не как вчера во мраке незнакомого дома...

Но мы целовались, прижимаясь друг к другу, пламенеющими животами, хотя недолго: кто-то зашаркал снизу, и мы отскочили друг от друга, опутив пунцовые лица, отяжелевшие горячие руки...

Я поднялась на лестничный пролёт, ведущий к моей двери, понимая, что если не уйду теперь же, мы простоим тут ещё не один час...

Она поднялась на один пролёт и обернулась, у меня...

...отяжелели ноги, будто свинец в них...

...как уйти теперь? Лёля...

– Лёля... Я... позвоню...

Она улыбнулась красными, припухшими от моих поцелуев губами...

У неё такие красивые губы...

И такие мягкие...

Я в один прыжок через три ступеньки догнал её, обнял её лицо, её голову под косой, притягивая к себе, целуя вновь... Она коснулась пальцами моего лица и шеи под волосами. От прикосновений её рук у меня искры побежали по коже...

...Химия... какая там химия? Вся моя химия – вот она, в синяках и ссадинах, с этими мягкими светящимися на солнце волосами...

...Как я могу думать об экзамене, если все мысли у меня о Лёле, о её волшебном лице, о губах таких румяных и сладких, таких податливых моим. О её благоухающих шелковистых волосах, о тёмно-синих глазах или густо-серых, они всё время меняют цвет...

И мы опять болтали по телефону несколько часов. И снова сны, от которых мне тяжело пробуждаться...

Болтает по телефону опять... Это же надо, завтра экзамен, а она... совсем голову потеряла, ах, Лена... Завалится завтра, это точно. Надо из дома не уходить хотя бы. Может, не сбежит как сегодня...

Лёля не сбежала, Алексей сам пришёл, с букетом ромашек, между прочим. Мне стало не по себе, когда я увидела, как они смотрели друг на друга при встрече... Это не лёгкая влюблённость, как предполагается в этом возрасте, между ними, похоже, растёт большая страсть. Опасная страсть.

Мне стало не по себе... Ещё натворят глупостей, и дети вроде и совсем не дети уже... А если ребёнка соорудят?!..

У меня душа ушла в пятки от этой мысли, что ж тогда делать будем? Учиться надо, а тут... Но и мешать им сейчас – это как тушить пламя керосином...

Лёлина бабушка почувствовала, что оставлять нас одних небезопасно и почти не отходила от нас, пока я не ушёл. Но готовиться к экзамену я всё равно сегодня не мог. Солнце уже разлило закатное золото по моей комнате, как и по Лёлиной. У неё тоже на запад окно. Я опять позвонил ей, и мы опять говорили и говорили. Я, кажется, за всю жизнь не разговаривал так много, как в эти последние недели...

И я не спал, но ни одной мысли о том, что завтра экзамен...

А утром мы встретились и вместе направились к зданию медучилища, старинному тёмно-красному с белыми кантами и колоннами, с такими толстыми стенами, что внутри холодно так, что я чувствую сквозь футболку, как холод от стен забирается мне на кожу, а Лёля и вовсе замёрзнет в своём платьишке. Здесь, в трёх разных аудиториях проходил письменный экзамен по химии.

Нас рассадили по алфавиту, и мы с Лёлей не попали в один кабинет. Задания, вполне знакомые мне и несложные, я, привычный выполнять всё быстро, сдал работу первым. Выйдя на улицу, в скверик со старинными выгнутыми скамейками, похожими на накрытые коврами

низкие диваны, на которые нападало немного листьев с окружающих тополей, я сел, поджидая Лёлю.

Я тоже написала быстро. И задачу решила. Проверила даже и, совсем уж собравшись сдать, огляделась. Большинство ещё пишут... Не слишком я спешу выбраться из холодной, несмотря на тёплую июльскую погоду, аудитории?.. Но я всё сделала и уже замерзаю, а на улице, может быть, уже Лёня ждёт меня, что сидеть?..

Я сдала работу и вышла на улицу. Лёня поднялся мне навстречу со скамейки в маленькой аллейке, где ждал меня. Конечно, он ещё раньше меня всё закончил. Радость освобождения овладела нами: с чувством облегчения мы пошли в кафе, пить какао с булочками. Я прижала ладони к чашке, пытаюсь согреться.

– Замёрзла? – засмеялся Лёня, ласково глядя на меня.

– Ужасно. На улице так тепло, а там – холодильник! – улыбнулась я, почти дрожа.

Мы не говорили об экзамене, выездном, с комиссией из Москвы – это впервые сделали так из-за Чернобыля, наверное, чтобы льготники сдавали на местах, ерунду какую-то выдумали, раньше никаких выездных комиссий не было. Но, благодаря этому, мы и сдавали в Нске, а не в Москве. Хотя меня удивило и обескуражило количество абитуриентов, особенно тех, кто записался на Москву, выходило на место больше десяти человек, в самой Москве конкурс меньше. Но сегодня сдавали и в другие институты, в Тверь, в Рязань, в Смоленск, даже в Махачкалу.

– Экзамен письменный, не то не допустили бы меня с моими «фонарями», – усмехнулся я.

– Допустили бы, ты медалист. Да и какое им дело, – сказала Лёля, и улыбнулась, подперев щеку ладошкой: – Да и сегодня уже ничего, красиво почти!

И я счастливо засмеялся от её слов, её взгляда. Мне даже не верится, так мне хорошо... Неужели теперь всегда будет так?

К биологии, что через два дня я готовиться не собирался, устный экзамен, к тому же, думаю, кто не получит «пару» на этой химии, уже точно поступят.

Результатов экзамена приходится мучительно ждать два дня...

Мама влетела злющая, сразу ко мне в комнату:

– Ну, что догулялась?! «Пара»!

Она говорила ещё что-то, злилась. Но зря: я уже в первый вечер опомнилась и поняла, что неправильно решила задачу, а это означало – «неуд» даже при идеально выполненных остальных заданиях, потому что задача «стоила» пятнадцать баллов из возможных пятидесяти, на «тройку» надо набрать минимум тридцать пять. И то, что мама сказала сейчас, уже таким сюрпризом не стало, хотя я надеялась, конечно, на чудо.

А Лёня получил «отлично», и это была единственная из двухсот семидесяти оценок «пятёрка». Я же среди двух сотен тех, кто получил «двойки». Шестьдесят девять оставшихся, «тройки» и единичные «четвёрки». Мама совершенно права и злится сейчас справедливо. Мне даже не обидны все её сердитые слова, потому что, если бы я готовилась получше и была повнимательнее на экзамене, то всё смогла решить...

Глава 3. Керосин

Мои очень довольны и горды за меня. Но вчера я узнал о Лёлиной «двойке», и решение мгновенно возникло в моем в моей голове. Я не раздумывал: ехать в институт без неё невозможно.

Но говорить об этом своим воодушевлённым родственникам я пока поостерёгся. Я останусь в Н-ске с Лёлей и поступлю на будущий год вместе с ней. Я ни за что не соглашусь с ней разлучиться. Ничего, будут какие-нибудь курсы, а пока буду работать. Надо санитаром куда-то пойти, к деду, наверное, лучше всего...

Я был рад, что Лёля не плачет из-за «двойки», моя наглая «пятёрка» казалась мне чем-то вроде задранного носа, как укор ей.

– Да ты что, Лёня?! – удивилась Лёля, – я горжусь, что ты самый умный из всех абитуриентов.

Я рассказал ей о моём решении не ехать, а поступать на будущий год снова, вместе с ней.

– С ума сошёл... Ты что... – она оторопела. – Ты своё будущее...

– Ерунду не говори, Лёль, без тебя, какое ещё будущее?! – перебил я.

– Твои родственники возненавидят меня... – и она посмотрела на меня со смесью изумления и восторга.

Я не спрашивал Лёлю, уехала бы она без меня, если бы на моём месте была бы она. Я не думал об этом, я всегда думаю, что должен и что сделаю я, а не другие. Я всегда таким был, принимать решения – это мужское, а я себя ощущаю мужчиной, сколько помню. Так учил меня дед. И книжки. И вообще – это правильно, я убеждён.

Когда мама узнала, что мы продолжаем встречаться с Лёней, она напустилась на меня в который раз за последние недели:

– Он-то поступил, а ты, дурища, будешь теперь сидеть, горшки вон в акушерстве бабкином таскать! – мне показалось, ей даже захотелось вцепиться мне в волосы, но она не сделала этого, конечно.

– Нет у нас никаких горшков, Юля, – сдвигая очки на кончик носа, сказала бабушка, – и хватит, целых три недели пилишь девочку. Оставь уже, – бабушка посмотрела на меня и сняла очки совсем. – Иди, Лена, к себе, мы поговорим с мамой.

Лена взглянув на нас, ушла в свою комнату, и я посмотрела на Юлю:

– А ты знаешь, что Алёша – сын Кирилла? – мне интересна её реакция на это.

– Да догадалась, уже, конечно! – махнула рукой Юля. – Таких совпадений не бывает, это надо же, именно его сынка среди всех отыскала! Какой-то рок.

– Он хороший парень, – сказала я.

– Ещё бы! В институт поступил, единственный на «пять» сдал, представь! – воскликнула Юля.

– Единственный?! – этого я не знала. Что ж, только повышает его в моих глазах.

– Папаша тоже всегда умный был, вон профессор теперь. И этот такой будет. А наша, клуша, профуфыкала... – продолжила «кипятиться» Юля.

– Прекрати ты, ничего ещё не профуфыкала, – я убеждена, что ничто Лёле не помешает поступить на будущий год.

И особенно хорошо, что Лёня её поступил, он уедет теперь – всё успокоится. Годок ещё девочка под приглядом будет, так что, что не делается...

– Нечего встречаться им, соблазнит её и уедет, – сказала Юля, выразительно взглянув на меня. – А мы будем тут... расхлёбывать.

– Тебя же Кирилл не соблазнил, – возразила я.

– Вот и жаль! – Юля сверкнула глазами. – Может жила бы профессоршей теперь. Времена не те были тогда, мы же... а щас... сексуальная революция, все как с цепи сорвались. Вон по телевизору, в кино, один секс...

– Ох, болтаешь, невесть что! – поморщилась я. – Иди, давай. Твой Валерик уже час назад звонил, сказала, выходишь, что сидишь?

Через три недели после экзамена, Лёля неожиданно пропала. Я звонил, я приходил, но её мама, очень красивая и сильно беременная, круглый живот так оттопыривал ей платье, будто она спрятала там футбольный мяч, придирчиво оглядев меня с головы до ног, сказала почти зло:

– Ты поезжай учиться, Алексей, оставь Лену в покое. Она готовится будет, не надо ей мешать, один раз уже пролетела.

Обескураженный и растерянный, я пару дней не знал, что предпринять. Мне никак не удавалось застать Лёлину бабушку, мне казалось, что ей я более симпатичен.

Зачисление уже прошло без меня, а мои ещё не знали, считая дело решённым, уже строили планы на мой отъезд в Москву. Я не говорил ничего, успею ещё бурю на свою голову вызвать, сейчас мне было не до этого.

Я приехал к Вере Георгиевне, на работу в роддом, прорваться внутрь, наверное, было не проще чем попасть на оборонный объект. Пока я не догадался прийти в белом халате и сказать, что я практикант, только так меня и впустили.

Но и от Веры Георгиевны я ничего не добился. Она сказала только, что Лёля у бабушки. И то же: «езжай – учись».

– Я не еду без Лёли, я отказался. Забрал документы, – сказал я, чтобы она не продолжала больше это – «езжай»...

Вера Георгиевна посмотрела на меня удивлённо.

Вот это да, это я вам доложу... Не поехать в институт из-за девчонки... мне стало даже страшно: тогда тем более нельзя вам встречаться. Я не ошиблась: запредельный накал. «Революция, времена» – ерунда всё, Юленька, у вас с Кириллом и близко такого не было, вот и не соблазнилась ты... Нет-нет. Пусть Лена на Кавказе поживёт. Через год вернётся, глядишь, поостынут страсти. Книжек больше почитает там...

Как не жаль мне было влюблённого юношу, страх перед тем, что неизбежно произойдёт, если они воссоединятся, что это закончится, неизбежно, незапланированным ребёнком и крахом всего, всех планов Лены на будущее, пересилил.

«У бабушки»... значит, на Кавказе?.. Лёля говорила. Но ни разу не рассказала подробно, где именно...

Где же адрес её взять? И почему Лёля не пишет...

Помогите мне! Помогите!
Впустите воздух! Впустите свет!
Где вы люди!? Отзовитесь!
Откройте дверь!
Мы боимся других и бежим скорее прочь.
Мы не хотим взглянуть в лица,
Мы боимся увидеть глаза,
Мы не боимся коснуться сердец.
У нас такие мелкие сердца...
Их не хватает на то, чтобы просто жить,
Как гусеницам и червякам,

Где им почувствовать сердце рядом?!
Помогите мне! Помогите!
Впустите воздух! Впустите свет!
Где вы люди?! Помогите!
Мы боимся и не знаем даже себя.
Мы не помним своих лиц.
Мы толчём воду в ступе,
Чтобы залить ею колёса наших бессмысленных мельниц.
Помогите же мне! Помогите!
Впустите воздух! Впустите свет!
Где вы люди? Спешите,
Нам скоро не на что будет смотреть,
Нам некого будет видеть...

Я не писала, потому что думала, что он приедет, а это повредит ему, так мне было внушено. Я боялась этого и мечтала об этом.

Я ничего не рассказала бабушке Тане о Лёне. Слишком больно, слишком много его во мне, я не могу выпустить его из себя, тогда станет совсем невыносимо. Поэтому я только плакала каждый день, а бабушка Таня предполагала, что это из-за того, что я срезалась в институт.

Я не писала, потому что бабушка Вера и мама в один голос мне говорили о том, что тем, что я удерживаю Лёню и не даю ему ехать учиться, я гублю всю его будущее, карьеру, что из-за меня он загремит в армию а после ему уже института не видать... и прочее... Взывали к совести, говорили, что нельзя быть такой бессовестной эгоисткой. Вот я и плачу молча и не пишу...

Я вспомнил про дядю Валеру, о котором, как о добром и отзывчивом человеке, даже своём друге, мне не раз рассказывала Лёля. Но я не знал его в лицо. Мне пришлось проследить за Лёлиной мамой, тогда я его увидел: небольшой, светловолосый и весь какой-то светлолицый, он совсем не производил впечатления мужчины, способного покорить такую красивую женщину, как Юлия Александровна.

У него оказалась кофейная «шестёрка», я запомнил номер и в следующий раз, когда он подъехал к их дому один, а это произошло только через несколько дней, потому что они жили отдельно от Лёли и её бабушки, так что я измаялся в своей «засаде» – сломанной телефонной будке, через дорогу от Лёлиного дома.

– Дядя Валера! – я побежал со всех ног, увидев его одного, и понимая, что обращаться так к незнакомому молодому человеку ужасно глупо. Но как ещё я его назову, «товарищ Валерий»? Зато он сразу понял, кто я такой. Вблизи он, сероглазый, светловолосый, нос уточкой, показался мне ещё более обыкновенным и даже невзрачным, чем издали, пока не улыбнулся.

Улыбка у него... не знаю, какая-то лучезарная: глаза загорелись чудесным светом, и весь он преобразился, будто осветившись изнутри и излучая свой свет на меня. За это его, наверное, и любит Лёлина мама, подумал я...

– Ты... Лёня? – спросил дядя Валера, оглядев меня.

– Да. Извините, за...

– Да ладно тебе. Ты чего тут? Лёля уехала и ты, говорят, учиться едешь.

– Не еду. Вы не знаете, где Лёля?

Он долго смотрел на меня.

– Написать хочешь? – чуть прищурившись, спросил он.

– Нет, я... хочу... Поехать к ней... За ней... – чёрт, я не знаю, как правильно...

– Неужели поедешь? – он разглядывал внимательно моё лицо, будто хочет прочесть меня. Потом весёлые почти насмешливые искорки зажглись в его прозрачных глазах. – Что, и деньги есть?

– Есть деньги... – соврал я, – скажите адрес, дядь Валер!

Он не расспрашивал больше, достал бумажку с адресом из кармана.

– Я, знаешь ли... – улыбнулся он, – ждал, что ты придёшь ко мне, заранее адрес переписал. Я думал, если они обе, и Юля, и Верочка, так напугались тебя, значит, всё правильно я про вас с Леной понял, стоящий ты парень и неправильно вас разлучать. Долго караулил меня тут?

– Почти... неделю... Спасибо! – я от счастья даже обнял его, очень крепкого, между прочим, а с виду и не скажешь. А он засмеялся.

– Не за что, металлист, когда-нибудь обещаю сыграть свои песни. Ленка все уши прожужжала, какой ты артист, – он всё смеялся.

Я хотел бежать уже, но он остановил меня, протянул две бумажки по сто рублей:

– Бери-бери, не ломайся, знаю, что нет у тебя денег.

– Дядя Валера...

– Беги, «племянничек», привет от меня Лене передай!

– Ты куда это собрался? – дед вошёл ко мне и застал за недолгими сборами в дорогу.

Я обернулся почти испуганно, будто меня застали за преступлением, но я уже отобьюсь – главное, у меня есть адрес!

– Дед, мне надо... – сказал я, уклоняясь даже смотреть ему в глаза.

Он посмотрел на меня с хитрым прищуром:

– И... где она, принцесса твоя?

Дед всё же молодчина у меня, понял всё без объяснений, я показал бумажку с адресом.

– Это в Мин-Воды надо, – проговорил он, прочитав.

– Знаю.

– «Знаю», – передразнив меня, хмыкнул он, – а что билет ты просто так не купишь, знаешь? Лето на дворе, это же курорт.

– И что? – не понял я.

Я так разогнулся, что у меня нет времени подумать о том, что говорит дедушка.

– Подожди, Ромео.

Дед вернулся через несколько минут, притворил дверь плотнее, и сказал вполголоса:

– Билет стоит тридцать рублей, – он выразительно посмотрел мне в глаза, – положи в паспорт пятьдесят, и говори, что тебе надо, глядя кассиру в глаза.

– Это чё... взятка что ли?

– Взятка-взятка, если хочешь так назвать, – дед вроде смутился немного, что учит меня взятки давать? – Да... ещё, я прикрою тебя перед нашими, скажу, ты в Москву поехал с приятелем, у которого родственники, что в общежитие устраиваешься... Только ты, Алёша... Не опаздывай на учёбу.

Сказать ему сейчас, что я забрал документы... Нет, тогда он мне ещё по уху врежет, хотя никто меня, конечно, не лупил, но за то, что я уже сделал, могут. Потом расскажу, успею получить свои плюхи.

– Что-то не нравится мне, что Лёля так много плачет, а, Алёша? – я посмотрела на мужа, он всегда хорошо понимал меня, как никто. И... Если бы не он, я никогда не смогла бы пережить Колину смерть...

Он посмотрел на меня:

– Может она влюбилась? По институту так не плачут, по-моему.

– Да, вторую неделю она здесь, а по-моему становится только хуже, – вздохнула я.

Лена была на веранде где-то, мы с Алексеем на кухне, отдельным зданием выстроенной во дворе, скоро обед, он уже хлеб порезал, масло достал.

Залаяла Найда во дворе, кого-то принесло...

Я добирался до этой станицы под Пятигорском, будто проходил цепь испытаний в компьютерной игре, которыми так увлекались мои друзья, просиживая ночи у мониторов, и проходя уровень за уровнем. Вот были мои: электричка из Н-ска до Киевского вокзала в Москве, автобус до Внукова, там – в билетные кассы, дедова метода сработала безотказно. А с самолёта в Мин-Водах снова электричка, дальше: найти в большом курортном городе, где я никогда не был, автовокзал, дождаться автобуса на Лысогорскую, так ещё, оказалось, прямого автобуса нет, надо на проходящем, до отказа забитом людьми и жарком как духовка, но и это ещё был не конец...

Когда я приехал на автостанцию в станице, мне пришлось спросить, наверное, двадцать человек, чтобы дойти до нужной улицы и дома, так чудно там здесь всё оказалось расположено, что, когда я отыскал, наконец, дом у меня замерло сердце – неужели я не туда пришёл...

Я открыл калитку сбоку у железных ворот, выкрашенных зелёной краской, забрехала собака, из небольшого приземистого строения справа, за густыми кустами цветущего белого шиповника вышли женщина и мужчина.

От сердца отлегло: я понял, что не ошибся: теперь я увидел, на кого всё же похожа Лёля: тот же тонкий профиль, высокий лоб, волосы красивыми волнами у лица, даже пронзительный взгляд ярких глаз... Я доехал.

Я смотрела на юношу, для наших мест необыкновенного. Длинные волосы, джинсы, майка с каким-то росчерком, который я ещё не прочла даже, белые кроссовки, изрядно покрытые пылью, похоже, пешком от центра шёл, а как ещё, это нас Алексей на «Урале» с коляской возит... Я догадалась о том, кто это, даже не успев спросить, до того как Лёля, появилась на пороге:

– Лёничка... – проговорила наша девочка, такая маленькая в синем ситцевом халатике, остановившись на верхней ступеньке крыльца, – Лёничка мой! – и сорвалась к нему.

Мы с Алексеем посмотрели друг на друга. Ну, вот и разгадка ежедневных слёз. Что ж, я понимаю, из-за такого, можно плакать, тут я понять могу. Но, главное, приехал, нашёл... Не думаю, что ему легко было это сделать.

– Красивый парень-то, прямо принц, – тихонько сказала я мужу.

– Да уж, влюбилась, так влюбилась, под стать нашла... – прошелестел он, всё шире улыбаясь, глядя на обнявшихся влюблённых.

– Что делать-то теперь?

Он только руками развёл, улыбаясь:

– А что тут сделаешь? Кормить обедом будем. Всё сделалось без нас, – он посмотрел на меня. – Выгонишь ты его что ли? Ясно, что Лёльку к нам от него спастись сослали... Глядят друг на друга, прям год не видались.

– Для них эти восемь дней как восемь лет...

Глава 4. «Ты меня любишь?»

Верно, больше, чем восемь лет, это и ускоритель будто, и порох в наших и до этого не прохладных отношениях. Но эта разлука и то, как я стремился и добирался сюда, сделали меня старше и смелее.

Или наглее.

На ночь меня положили спать на летней кухне, что построена во дворе, вероятно, надеясь таким манером разделить нас надёжнее на ночь. Но я лишь дождался, когда погаснут все окна в доме и вышел тихонько во двор. Собака уже не злилась на меня, признав, что я тут свой, поэтому не отреагировала на мой манёвр: подняла голову и снова положила на лапы, невозмутимо лёжа возле своей будки.

Я знаю, где спит Лёля... Окно открыто – здесь жарко, оно направлено в сад, поэтому утром будет в тени... горячий южный воздух наполнен ароматами, которые не обитают у нас: плодов, зреющих в обильном саду, сочной зелени, шелестящей за забором полыни, шиповника, несколько кустов, которого цветут здесь, во дворе, густым запахом кур и уток с гусями, угмонившимися на ночь в своих сараюшках справа от дома за баней, нагретого за день солнцем бетона на дворе, листьев винограда, начавших оплетать специально для этого построенный навес над столом у крыльца, самих стен и крыши дома, смолы, толстыми янтарными каплями выступающей на деревьях, жирной плодородной земли... Здесь благословенный край, сытая страна...

– Ты... – Лёля не спала, конечно.

Мы обнялись, встретившись посередине комнаты, потому что она поднялась с постели навстречу мне. Тонкая рубашка, она такая хрупкая в ней... как давно я не обнимал тебя... целый день.

Теперь я могу поцеловать тебя так, как не смел при твоих бабушке и деде.

Я позволил себе смелее касаться Лёлиного тела, так как не делал до сих пор, и не посмел бы ещё долго, я думаю... Но сейчас я чувствовал себя увереннее, сильнее и разгорячённее, чем когда бы то ни было.

И ещё: я будто имел теперь право.

Я тоже почувствовала это. Лёнины руки сегодня не стыдились, они будто бы стали сильнее и больше с тех пор как мы расстались. Это так взволновало меня, что я затрепетала в его объятиях, почти задыхаясь. Мне приятно его смелость, я будто бы ждала этого...

Я узнал сегодня, что груди у Лёли мягкие и нежно-упругие и так приятно заполняют мою ладонь, будто бы горячее даже, раньше я мог ощущать их только при объятиях, а теперь узнал, что мои прикосновения к ним приятны и желанны для неё, её дыхание стало ещё горячее, а бывшие вначале мягкими соски превратились в маленькие бусинки, щекочущие мои ладони...

Не знаю, как мы оказались лежащими в её постели и сколько времени мы целовались и обнимались, пока не запели утренние петухи и не забрезжил рассвет, сквозь сливовое дерево, что росло под окном. Сегодня я не посмел коснуться до «милых тайн», как писал Пушкин.

Но посмел на следующий день...

Лёня прикоснулся так, будто это цветок и он не хочет смахнуть пыльцу... Мне кажется, что я гитара в его руках и начинаю звучать мелодией... Самой прекрасной, волшебной... сказочной...

А ещё через пару ночей мы сняли рубашки... Теперь, при свете полной луны, беззастенчиво заглядывающей к нам в окно, как третий участник происходящего, я увидел Лёлю обнажённой... Красота, желание, любовь, аромат её чудесного тела, похожего на нежную белую лилию, жаркий воздух, втекающий в комнату из сада, душистый и сладкий, волнующий, приятный...

Но что весь этот волшебный сад, все сады в мире, в сравнении с Лёлей...

...с Лёней... Его поцелуи превратили меня в мёд или воду, или цветочный нектар... не знаю. Я не чувствую ничего, ничего не слышу и не вижу, кроме него...

Дни мы проводили, помогая в огороде и в саду, где мы, с Алексеем Николаевичем, моим тёзкой, копали картошку, а Лёля с Татьяной Павловной занимались то прополкой, то с тяпками, или собирали сливы, абрикосы, черешню, что до сих пор ещё есть на ветвях огромного дерева в центре сада. Или виноград, растущий на границе между огородом и садом двумя стенами, из этого винограда хозяева делают вино, которым нас угощали пару раз. Или наши девушки ту же выкопанную картошку вынимали из сделанных нами лунок. Иногда Лёля с бабушкой уходили из сада кормить кур, гусей и уток, что галдят в огороженных провололочной сеткой вольерчиках возле огорода. Днём уток и гусей отпускали гулять и купаться в арыке, а потом они тем же строем приходили назад, как и другие водоплавающие в станице, а куры копошились во дворе под предводительством большого бронзового петуха. А ещё каждый день готовили обед, распространяя вкусные запахи, возбуждающие аппетит, пока мы трудились.

Дважды в день по улице мимо ворот прогоняли стадо коров на пастбище в горы, и это довольно жуткое зрелище: теснящиеся друг к другу рыжие лоснящиеся спины огромных животных, вооружённых каждая парой мощных, коричнево-серых в кольцах, рогов, казались нашествием монстров, поднимающих тучи жёлтой пыли.

– В детстве я до ужаса боялась, когда проходило стадо, – смеясь, сказала Лёля, под громкие звуки щёлкающих огромных пастушьих хлыстов, подгоняющих животных. Она по моему лицу догадалась, какое на меня, городского мальчика, это произвело впечатление.

Но часто после обеда мы уходили гулять в горы, что подножиями походят прямо к задам их огорода, только подняться на плато...

Брали с собой молоко в зелёной винной бутылке, казённого хлеба, почему-то здесь так называли белый, спечённый круглыми караваем, вкуснейший и пахучий, ноздреватый хлеб с толстой вкусной коркой, хрустящий и душистый, как рай. А ещё мы брали покрывало – сидеть. На наших головах панамы. Хотя головы в них потеют, но на солнце иначе нельзя. К счастью, здесь много густых рощиц и перелесков, куда мы ныряли, спасаясь от жары.

В тени, на краю таких лесочков мы и устраивали наши пикники. Здесь было безлюдно, будние дни, дневное рабочее время, добрые люди по горам не шастают.

Мы разговаривали как всегда много, пока идём сюда, но расстилая покрывало, уже почти не говорили... Здесь мы увидели наготу друг друга уже при полном свете дня.

Я не предполагала, что мужчины, юноши, бывают такими красивыми, каким оказался Лёня. У него тело Микеланджеловского Давида... гладкая шелковистая кожа, цветом как спелый абрикос из бабушкиного волшебного сада. В Лёнином теле нет ни одной черты, не дышащей совершенством. Я не думала раньше, что красота может быть абсолютной...

...абсолютной... Но я эту красоту всегда видел в Лёле. Я не видел её нагой раньше, но я знал и, не видя, что нет никого красивее её. Меня не удивляло, а только ещё сильнее возбуждало её, открытое мной теперь совершенство.

Теперь я вполне осознал значение слова «хотеть» кого-то. Раньше мне это казалось скорее метафорой, иносказанием, то есть я думал, люди подразумевают под этим, что-то вроде «хотеть быть рядом»...

Я понимала, что наши ухищрения с тем, чтобы положить мальчишку спать отдельно, мало помогали, он приходил через окно каждую ночь. Мы не слышим с Алексеем, Лёлина комната через коридор, но её постель к утру оказывалась, смята и свёрнута чуть ли не в жгут, при том, что я знаю, как спокойно спит Лёля, складки на простыне не сделает...

И спали оба чуть ли не до одиннадцати, при том, что ложились мы тут всегда рано, едва ли не наступлением темноты.

Я оказалась бессильна помешать им. Даже если я стала бы спать с Лёлей в одной комнате, они найдут время днём, да и находят...

Я попыталась поговорить с Лёлей об этом, когда мы остались одни.

Мне приятно, что бабушка Таня и дед Алёша так приняли Лёню, что он понравился им. Мне нравилось, что во время обедов и ужинов мы вчетвером много разговаривали, смотрели вместе телевизор, всего одну программу, из-за близости гор показывает только первая и то не очень хорошо.

Однажды я поморщилась, слушая в новостях о визитах Горбачёва в западные страны, дед заметил это и спросил:

– Тебе не нравится разоружение? Или перестройка?

– Мне не нравится, что на Западе его зовут «Горби», как собаку, – сказала я, невольно хмурясь. – По-моему, президента не могут звать кличкой. Кажется хорошо, что его так полюбили везде на Западе, это впервые в нашей истории... да всех нас полюбили, прямо, как родных, и «перестройка» и «гласность» – самые популярные слова в мире, но всё это... как-то... подозрительно, что ли... Что-то фальшивое в этом. Неправильное.

– Ты не доверяешь их отношению? – удивился дед Алексей.

Я упрямо качнула головой.

– Пусть лучше боятся? – усмехнулся дед.

– Когда нас называли «Империей зла» мне нравилось больше, – сказала я, то, что никому другому, кроме этих людей не решилась бы сказать.

– Ты это серьёзно?!

Я пожалала плечами, не находя ответа сразу, на что Лёня засмеялся:

– Это Лёлин конёк, – сказал он, – у нас в школе устраивали исторические диспуты, так она любого за пояс заткнёт, учителя-историки её обожали.

– Тебя тоже обожали, только ты в этих самых диспутах всегда отказывался участвовать.

– Куда мне против тебя!

– Да не прибедняйся, хитрец!

И мы смеялись все вместе. Но потом всё же продолжили прерванный разговор. Обсуждали оконченную афганскую войну, хорошо, что мы ушли оттуда...

– Не знаю, – покачала головой уже бабушка, сама учитель истории, но не работала, правда, уже несколько лет. – Боюсь, после нашего ухода всё станет только хуже... Как и во всей Восточной Европе. Свято место пусто не бывает, на наше место придут другие.

– То есть вы никак не допускаете мирного сосуществования многих стран... Воинственные у нас девушки, а Лёнь? Милитаристки! – опять засмеялся дед.

– Допускаю, и даже очень надеюсь, – сказала бабушка, – но боюсь стоит нам показать окончательно свою слабину, как... А ведь мы ушли отовсюду, всё бросили, всех предали. Неправильно так поступать государству, вроде Советского союза, – сказала бабушка.

– Может, просто больше денег нет содержать всех? – парировал дед, настроенный, очевидно, куда более лояльно к происходящему. – Все на наряды жене ушли.

Бабушка отмахнулась:

– Ой, ну началось! Первая президентша, которая на люди показала, а вы все злобствуете. Пусть наряжается, муж её любит, вот и всё...

– Если не за наши деньги, то пусть, никто не против. Но вперёд мужа лезть не след. Он на должности, не она.

Дальше мы обсуждали и Тэтчер и всех прочих и, не придя к полному согласию, заключили перемирие на том, что свобода всё же лучше, чем «железный занавес».

Сегодня, когда мы готовили с бабушкой ужин, она спросила, исподволь взглянув на меня:

– Ты влюблена?

Я не ответила, что тут скажешь? Что тут говорить, будто не ясно...

– Будь осторожна, Лёля. Юноши... Вообще мужчины... у них, знаешь, свой интерес, а нам расплачиваться приходится за слабость...

– Ба! – не выдержала я. – Не говори вульгарных пошлостей!

Но бабушка не перестала и продолжила проводить нравоучение, уже опоздавшее...

Мы каждый день заходили чуть дальше, чем накануне. Всё дальше по пути, так увлекающему нас двоих, что мы не можем думать ни о чём другом, кроме того, чтобы снова остаться наедине.

...Ни одного миллиметра её кожи я не хочу оставить без прикосновения моих губ. Я изучил всё её тело за эти дни, эти ночи.

Теперь мы знаем друг о друге так много, как не знали даже о самих себе до сих пор...

... Всё произошло само собой... Не могло не произойти...

Солнечные блики, то прячущиеся за листочки, то попадающие мне в глаза или на веки, жаркое покрывало под моей спиной, шелестящая листва, перебираемые ласковым ветром, птичьи переговоры и вздохи, аромат разогретой земли и травы, всех этих трав и цветов, слившихся с чудесным ароматом наших вспотевших тел – всё это вместе навсегда слилось в общую возвышенную и прекраснейшую симфонию поцелуев и прикосновений

...Вдруг боль рассекла моё тело, вырывая вскрик из моего горла, отрезвляя на миг, но тут же смешалась со сладостным ощущением соединения и ушла, растворяясь в нём...

...Я услышал, как она вскрикнула, я увидел, как на мгновение расширились её глаза, её зрачки, в которых я видел своё отражение, я понял, что, должно быть, причинил ей боль, и мне самому почти больно, но остановится сейчас... легче убить меня... легче убить нас обоих сейчас, чем остановить...

Всего какие-то мгновения длилось наше соитие и окончилось яростным, всё затопляющим запредельным и неведомым мне до сих пор ощущением. Это то, что именуют экстаз...

Теперь это совсем не так, как бывало со мной когда-то...

Теперь я не огорчён и не унижен собственным телом, как я чувствовал всегда, во время тех накачывавших на меня непрошено разрядок.

Теперь я вознесён. Я счастлив, я так высоко, как не бывал никогда и не предполагал даже этих высот. Я, кажется, даже закричал... Но со мной ли ты, Лёля?..

Я посмотрел в её лицо, боясь увидеть в нём страх, боль, разочарование и отвращение, сожаление, что подпустила меня так близко... что позволила мне...

Она улыбнулась чуть дрогнувшими губами, красные щёки, красные, опухшие губы, капельки пота на переносице, мокрые ресницы, но между них... между них – свет... он светит прямо в меня, в моё сердце... Лёля...

– Ты... Я... – я не знал, что сказать, что говорят, когда... – Я люблю тебя... – только и мог сказать я, но разве в этих трёх словах выразить то, что я чувствовал сейчас, это так много, так неопишимо, так велико и не похоже ни на что...

Мы смотрели в глаза друг друга.

– Тебе... хорошо? – чуть слышно спросила она.

Хорошо... Какое маленькое слово для описания происходящего, какое бледное и слабое... Я целую её вместо ответа. Её горячие губы, её глаза, с этими длинными щекотными ресницами, влажный лоб, её волосы, такие горячие, завившиеся от пота, в эту жару, её маленькие уши, её шею, длинную с тонкой бьющейся жилкой. Вот оно, эхо сердца, которое я чувствую своей грудью в её груди, оно бьётся с моим в унисон, в один ритм, в один пульс...

...Его невольный вскрик, его наслаждение, стали наградой мне за тот проблеск боли, что пронзила меня на мгновение...

Но когда ночью я не захотела повторить того, что мы сделали днём, он... почти заплакал:

– Прости меня, – он сжался, обняв себя за колени, спустившись с постели на пол. Я села рядом на пол, обняла его плечи:

– Ты прости меня...

– Нет, – он замотал головой, – я не должен был... я...

– Не ты, Лёня, мы вместе... – прошептала я, прижимаясь головой к его плечу.

– Нет, я. Мне... Я – мужчина, мог бы и потерпеть.

– Значит, не мог. И не должен был.... Да я и не хотела, чтобы ты терпел! – уверенно сказала я.

– Теперь ты думаешь, что я грязный развратник... что...

– Что за глупости ты говоришь?!

– Но... ты не хочешь меня теперь, – он повернул лицо ко мне. – Я сделал что-то не так?

Тебе плохо со мной? Тебе больно?

Я прячу лицо у него в плече:

– Нет... нет. Но... Мне страшно.

Он повернулся ко мне весь, раскрываясь, посмотрел в моё лицо. Но здесь совсем темно, луна стала тонким месяцем и восходит где-то теперь не над нашим окном. Мы почти не видим друг друга во мраке глубокой южной ночи.

– Почему? – удивлённо спросил он.

– Мы даже в институт не поступили, а вдруг будет ребёнок...

– Пусть будет, – легко согласился Лёня. – Нам помогут. Нас же с тобой вырастили как-то бабушки.

– Я не хочу, чтобы наших детей растили бабушки. Я буду скучать.

Я услышал главное: «наших детей»! наших! Она сказала бы «моих», если бы не предполагала их со мной...

– Я люблю тебя! – он взял в руки моё лицо. – Ты меня любишь? Ты меня не бросишь? Не разлюбишь?

– Это девчонки спрашивают, лишившись невинности, как я сегодня...

– Я тоже сегодня лишился невинности.

Я не ожидала. Я не думала, что он, за которым с конца восьмого класса гонялись все девчонки в школе... Хотя, как это не ожидала, я чувствовала... я даже знала, что это так...

– Правда?.. – её голос совсем изменился, она не улыбается уже как перед этим.

– Правда. Ты так удивляешься... Я ждал тебя. Всегда. Всю жизнь.

– Почему? – она провела ладонью по моему лицу.

– Я тебя люблю с первого класса, с самого первого взгляда! С самого первого дня!

Она горячо обняла меня:

– Я знала... я чувствовала всегда, но я боялась поверить... я так люблю тебя!.. Лёня... Лёничка мой... мой Лёничка!

Мы не остались здесь, мы вылезли в окно вместе и ушли в кухню, где я спал, на жестковатой тахте. Теперь Лёле надо будет возвращаться обратно, но здесь мы одни во всём этом помещении с запахами подсолнечного масла, муки и каких-то сушёных трав, с земляным полом. И к тому же в окно светил фонарь с улицы и нам почти светло.

И можно было не шептаться больше и не приглушать наши восторги.

Восторг приходит и ко мне. И довольно скоро. Вначале это случилось в моменты Лёниного экстаза, в ответ на его наслаждение, но вскоре я стала очень хорошо «настроенной гитарой». Чем дальше, чем больше времени проходит, чем больше мы вместе, тем многочисленнее, ярче и сильнее моё наслаждение...

И теперь мы улетаем в космические выси вдвоём. Я почувствовал радость её тела и души, ей стало так же хорошо со мной, как мне с ней. Это потому что она меня любит и желает не меньше, чем я её...

Больше того, скоро граница между телом и душой размылась, исчезла, наше наслаждение друг другом перешло на другой уровень, как переходят электроны на новую орбиту, получив заряд энергии. Мы производим энергию своими душами, преображающую и наши тела. Наше блаженство теперь нескончаемо и беспредельно. Мы двое менялись каждый день, каждый раз, когда касались друг друга, восходя всё выше, сливаясь в резонанс...

– Они нам сад спалют, – сказал, смеясь, Алексей, вернувшись с ведром перезревших семенных огурцов и кабачком под мышкой. Было пасмурно, собирались тучи к дождю.

– Что? – я не сразу поняла, о чём это он, решила, ребята костёр развели в саду.

– Да ТО, Танюша, – улыбнулся Алёша, «делая глаза». – Проморгали мы девчонку-то, – он поставил ведро, устроил кабачок на полу. – Не знаю, может и плохой я дед, но... я рад, что она с ним, с Лёней. Настоящий парень он, по-моему...

Я обессиленно опустила на табуретку.

– Ай-яй... Всё-таки... Что ж я... Ох, Алёша... Молодые сильно. Да и в институт надо.

– Молодые... А когда ещё влюбляться-то? В пятьдесят что ли? Тоже, конечно, неплохо. Но в семнадцать это положено. Иначе всю жизнь можно так и не проснуться.

Он прав, конечно, прав, да и сделать мы ничего не могли бы.

И всё же мне тревожно. Хотя я знала, что это будет, как могло не быть, после того как он явился на нашем пороге...

И всё же... как быть теперь? Вера и Юлия мне не простят, что именно здесь всё...

– Вера Георгиевна, где Лена и Алёша? – Лариса Аркадьевна посмотрела на меня так строго, так пронизывающе, а я даже в толк не возьму её вопроса.

– Алёша? Не понимаю... Лена у бабушки, на Кавказе, – ответила я, но почувствовала неладное... – Подожди, Лариса Аркадьевна... Они что, вместе?! – начинала догадываться я, обмирая от этой мысли.

– Мой Иван Алексеевич «раскололся» вчера, когда мы с Натальей подняли тревогу, в милицию хотели идти, в розыск подавать. Он, представь, знал! – Всплеснула руками Лариса и села, смягчившись ко мне. Поверила, что я не знала, что их Алёша... она продолжила, положив на мой стол заваленный историями ладонь. – ох, вера, дай воды попить, сердце выпрыгивает, давление, наверное, поднялось... Парень документы забрал из института, учиться не едет, а мой... Словом, «помог» внуку!

– Помог?! Так... сколько уже он там?! – я похолодела, но поднялась, чтобы налить ей «Боржоми». И Татьяна, хороша тоже, не написала ничего!

– Три недели с лишним! – серые Ларисины глаза снова мечут молнии, будто я виновата. Опять виновата перед ней, как было когда-то, когда Юлия «заморочила» её Кирилла, как она выразилась тогда.

– Осподи... – у меня ноги подкосились, хорошо, в моём кабинете были.

– Что делать теперь? Ехать надо, возвращать их!

Я посмотрела на неё:

– Что теперь ехать? – обречённо проговорила я. – Поздно, если он туда до неё добрался...

В институт не поехал, что теперь... Всё худшее уже случилось, – устало проговорила я. – Я так и знала, говорила Юле, только хуже будет, если их разлучить, только подстегнёт... Кирюшка, небось, вот так на край света не поехал бы, а, Ларис?

Она села тоже вздохнула.

– Не поехал... – сказала она. – Но тоже, знаешь... Со свадьбы едва не сбежал... Но, ты права, Кирюшка и вполнину не такой, как Алёша. Этот сильнее, горячее, больше душой, чем отец. Кирилл – проще, он как все, но Алёша не такой. Он... – Лариса посмотрела на меня и вроде даже улыбнулась: – а, знаешь, я рада, что это твоя Лена. Мне она понравилась. Очень.

Только я надеялась, погодят немного, хотя бы курса до третьего... Он ведь, между прочим, ни с одной девочкой ещё не дружил.

– Вот как?.. Поэтому всё так... Никакого разбега, никаких «репетиций»... Наша-то тоже домоседка-мечтательница, книжки, телевизор. Подружек, и тех, можно сказать, нет. А парнишки только издалека и вздыхали, по телефону звонили, молчали. А то бывало, музыку включают... – я посмотрела на Ларису. Мы знакомы больше двадцати лет, и удивительно, что вот так разговариваем уже во второй раз в нашей жизни. – Может, судьба им? Родители не смогли, так они вот...

Лариса вздохнула, помолчав, спросила:

– Как Юля?

– Рожать в конце месяца, внука ждём теперь.

– Ну да... Я видела её на Выпускном, с мужем. Она ещё красивее стала.

– А как Кирилл? – спросила я в свою очередь.

– Сыт, пьян, нос в табаке. Поездки заграничные, зарплата... Хорошо всё внешне, но знаешь... Как-то всё... Эта жена его...

Я засмеялась. Но Лариса вскинулась немного:

– Что ты, ты думаешь, я из ревности материнской? Нет. Просто... Он не любит её. Из выгоды женился... А теперь... Словом, за всё надо платить. Но, – она вздохнула, улыбнувшись, – у каждого своё счастье, он хотел материального, он его получил. Юля-то как с этим мужем? Любит его?

Я пожала плечами, разве у Юли что поймёшь?

– Рожает, любит, должно быть. В сорок-то мало кто решится.

В октябре открывают подготовительное отделение в мединституте при нашем Н-ском пединституте, собеседование будет в первых числах октября. Это я сказала Ларисе, и сказала, что написала об этом Татьяне, стало быть, скоро дети вернутся.

– Правнука нам с тобой не сделали там? – вздохнула Лариса, ей-то легче, их парень, девчонка – наша, ох... нам и хлебать полной ложкой, если что... Юля со свету меня сживёт...

– Теперь, как Бог даст, – сказала я. – Что мы сделаем?

– Что ж делать прикажешь, Лёля?! Обвенчать вас, что ли в местной церкви? – начала горячиться я...

...Этим утром я застала их в кухне вместе. Спали как ангелы, только не бесполое, увы... Шагал и Боттичелли будто смешали стили, кисти в одном полотне: едва прикрытые простыней, юные, кудрявые, заснули, прижавшись друг к другу, как застиг Морфей. Очень красивая картина, если бы я была готова её увидеть... Но меня вынесло из кухни ветром, едва я вошла.

Алексей во дворе увидел меня:

– Ты чего? Побледнела... Чё такое?.. Нехорошо?

Я приложила руку к быстро, прыгая, бьющемуся сердцу, садясь на скамейку:

– Да... Я... не знаю, Лёша... Они там... спят вместе.

Он покачал головой, сел со мной рядом:

– Сморило, значит, не успела уйти назад. Удивляюсь, как до сих пор мы их не застали ни разу, как я давеча в саду... Ты посиди, Танюша, – Алексей взял меня за руку. – Не расстраивайся так, что теперь...

Но я не могла не поговорить с Лёлей, когда они, наконец, встали и вышли с кухни, умываться, завтракать, смущённые и молчаливые, поняли, что мы теперь всю их тайну раскрыли. А потом мужчины отправились топить баню, сегодня суббота – банный день.

Вот я и спросила внучку, что мне теперь делать.

– Зачем венчать? Что, обязательно жениться? – Лена подняла глаза на меня.

– А ты как предполагаешь? – я удивилась ещё сильнее.

Теперь что совсем уж другие времена? Все эти «маленькие веры»... Мне стало нехорошо. Я не ожидала современного цинизма в Лене...

– Бабушка, ты что? – она заметила мою растерянность и как я, ослабев коленями, опустилась на стул.

– Ты... Хочешь сказать, что это у вас так... несерьёзно?..

Лена покачала головой, взволнованно:

– Очень серьёзно, ничего серьёзнее не может быть никогда.

– Тогда... как же не жениться? Не понимаю...

– Ну, зачем жениться? Все разводятся. Любили-любили и развелись. Я не хочу разводиться. Я хочу всегда быть с Лёней и всё. Без всяких дурацких свадеб.

Я смотрела на неё, не веря ушам:

– Это он, Лёня придумал?

– Нет. Я не хочу.

– Все девушки мечтают о свадьбе.

– Значит не все. Я не мечтала никогда.

– А дети? Или ты и детей не хочешь?

– Без детей нельзя прожить жизнь, всё равно, что никогда самой не родиться, – сказала моя странная внучка.

– Тогда как? Не понимаю.

– Бабуля, будем ждать детей, тогда и подумаю, – она улыбнулась, подошла и обняла меня, прижавшись, к моей голове своей милой головкой. – Прости, что... ты увидела нас утром...

– Что теперь... Спите вместе, хватит в окна лазать, как воришки. Всё равно дед раскрыл вас ещё две недели назад. В саду видал... – я вздохнула. – Да... Вера прислала письмо. Там у вас подготовительное отделение открывается, в первых числах октября собеседование, ехать вам надо. Или поступать, может, тоже не нужно уже? Раз такие дела?

– Да ты что, бабуля? Профессия – это главное, всё в жизни прикладывается к тому, кто ты.

Я смотрела на неё, на мою взрослую внучку. Уже спокойнее и радостнее на душе, а то эти открытия сегодняшние, эти современные взгляды, что не надо жениться, меня изрядно вымотали за это утро.

Глава 5. Громы и молнии в райском саду

Мы вернулись в Н-ск, перелетев сразу из теплой и солнечной северо-кавказской осени в нашу, промозглую и холодную, дышащую туманами и утренними заморозками. Мы поступили на подготовительное отделение. Хотя тоже пришлось пройти конкурс не меньше, чем на летнем экзамене. Но собеседование – не письменный обезличенный экзамен. Нас зачислили.

Но на Москву, во второй мед подали так много заявлений так называемых льготников-«чернобыльцев», абитуриентов, из считавшихся облучёнными районов области, их зачислили без собеседования, что волновались, что для нас, простых смертных, мест уже не останется. Однако проучились они недолго – вылетели все после первой же контрольной, к злорадному торжеству тех, кто из-за этих льготников не попал в московский набор.

А мы теперь ещё работали в больнице санитарями, потому что подготовительное отделение вечернее, а значит, мы должны работать. Я – в родильном отделении, Лёня у деда, Ивана Алексеевича, в хирургии.

Бабушка брала меня на роды, я смотрела и слушала, впитывая всё новое, делать мне, конечно, не позволяли ничего, моё дело, как мама выразилась, «горшки таскать». Горшков тут, конечно, никаких нет, но много чего нашлось такого, к чему мне пришлось привыкать и вырабатывать своеобразную профессиональную стойкость.

Специфический, сугубо женский мир, при этом зависимый полностью от сильной половины человечества, меня сходу ошеломил. Разговоры докторов и шутки, которые можно только очень мягко назвать грубыми, хуже только разговоры женщин между собой, перед санитаркой никто же не церемонится...

Первые недели я думала, что со мной что-то не так, если пересыпанные подробностями рассказы о забытом количестве абортёв, мужчин, детях оставленных бабкам: «...а чё ей делать в пятьдесят лет? Пусть воспитывает. А мне надо личную жизнь устроить, куда я с этим высерком?». Или ещё хуже, касаемо мужчин: «хотела его ребёнком повязать, думала, жену бросит. Так он мне сказал, что ребёнок не его! Прикинь?! А как докажешь? Ну вот, и пришлось на аборт...». Всё это отношение к вопросу показалось мне чудовищным, несправедливым и по отношению к детям, которых делали заложниками своих отношений с их отцам. Детей делали какой-то вещью, козырной или проигрышной картой. К своим родителям, на которых сбрасывали детей, и особенно к мужчинам, которых воспринимали как средство проще пристроиться в жизни. Да и к самим себе – без уважения, симпатии хотя бы, даже без жалости...

Но такие были не все, самое сильное впечатление производят и запоминаются всегда самые отвратительные, а нормальных было больше. Но и у «нормальных» тоже хватало такого от чего у меня вставали волосы дыбом. И пьянство, и измены мужей, некоторых били, одна приехала рожать с отцветающим фингалом...

Слушая всё это, я понимала, что я живу совсем иначе. И такие как я, конечно, есть и их, может быть даже большинство, но они я просто не треплют языками со случайными подругами, вот и всё... Эта мысль успокоила меня и как-то примирила с окружающим миром, который до сих пор представлялся мне волшебным садом, вроде бабушки-Таниного, где царит взаимопонимание и нежность. Оказывается, это мой мир, но существует ещё много иных, совсем на мой не похожих, противоположных даже...

Но самое главное было здесь не это, не женщины с их пугающими откровениями. Это был самый возвышенный, самый прекрасный, не сравнимый ни с чем, акт рождения. Появление на свет каждого нового человека я неизменно воспринимала как чудо, в этот момент мне всегда казалось, что в родильный зал заглядывает солнечный луч, чтобы погладить новорожденного малыша, а может быть это была рука Творца, осеняющего каждого вновь появившегося на свет человека?...

Ни родовые муки, крики, иногда даже ругань, ни вся эта грязь, что несли неутомимыми языками некоторые, ничто не стирало всё же улыбок с лиц каждой родильницы, впервые смотрящей на своё дитя... Эта улыбка и есть тот самый образ Божий. Как бы кто-то не пытался его замутнить.

И сами малыши, такие слабенькие, податливые и во всём зависимые, что может быть прекраснее?

Но случались, увы, и трагедии...

До конца жизни не забуду ребёнка, родившегося значительно раньше срока. Но живого. Очень маленький, красный, он тихонько попискивал, шевелил ручками, подрагивал, пока его протирали и обрабатывали, но матери говорили при этом спокойными почти металлическими голосами:

– Нет-нет... и не думай, мёртвый. Это выкидыш.

– Я же вижу, он живой... – она, молодая, ненамного старше меня, вся лохматая после мук и в слезах, силилась подняться, поворачивая голову, чтобы видеть его, рискуя упасть с рахмановской кровати, слёзы сами выкатывались из её глаз.

– Да ты что, забудь, семь месяцев... – доктор и акушерка не обращали внимания на её страдания. Их задача – мать. А с ней не всё хорошо и они занимались ею, пока обречённого новорожденного взвешивают и не считают ребёнком...

Я не выдержала и вышла, рискуя получить нагоняй. Еле-еле сдерживая рвущиеся рыдания, я поспешила по галерее в хирургию к Лёне, я не могу не увидеть его теперь же. Кто ещё поймёт и успокоит меня?..

Я нашла его, и он увидел, что со мной что-то не так, но я не могу даже сказать, не могу произнести хоть слово. Мы вышли на чёрную лестницу, где я, наконец, обняла его, прижалась, почувствовала его тепло, его запах, почти скрытый запахом хлорки. Волосы на работе он завязывал в тугий хвост под затылком, от чего его лицо становится таким беззащитным, открытым, как в детстве, когда его стригли совсем коротко с маленькой челочкой, ещё уши торчали...

Она сняла шапочку, входя в ординаторскую, где нашла меня, хотя мне, как санитару здесь, конечно не место, но как внуку заведующего, позволено многое. На Лёле лица не было – одни глаза, из которых вот-вот брызнут слёзы... надо позволить ей это, но надо увести от всех.

Мы стояли пыльной чёрной лестнице, она плакала, уткнувшись мне в грудь. Я понимал, что она сейчас не сможет ничего сказать, ей почему-то надо выплакаться. Только когда мы шли с работы через два часа, я спросил её, что случилось.

У меня опять задрожал голос, и придвинулись к горлу слёзы, я рассказала ему всё происшествие:

– Я не знаю, Лёня, это... Мне только кажется, что так нельзя. Нельзя обрастать... броней, – убеждённо закончила я.

– А без брони сможешь выдержать?

– Не знаю. Но в броне нельзя. Если ты не видишь слёз, не чувствуешь чужой боли, страха, отчаяния своим сердцем, не впускаешь их, то как помогать? Как тогда можно помогать? Тогда помочь невозможно. Нечем...

– Если всю боль чувствовать, надолго тебя хватит?

– Хватит... Иначе, зачем тогда? Мы же... Мы помогать призваны... – она посмотрела на меня: – А ты... У вас не так?

– У нас не было трагедий.

– Что, неужели за всё время не умер никто?

– Слава Богу, пока нет, – я несколько не лукавил, много, конечно, было тяжёлых случаев, но смертей при мне пока не случалось. – Да и этот ребёнок, может, не умрёт, может всё обойдётся... Мой дед семимесячным родился, ничего, вырос, как видишь. Только не плачь так больше... так страшно, когда ты так молча плачешь, а я ничем не могу помочь.

– Ты очень помог, если бы не ты, я...

Поздняя осень с ранними холодными сумерками, сырой воздух не обещал скорого снега, хотя ноябрь уже подходит к концу и пора бы. Снег вначале зимы – такая радость, интересно, почему? Только ли из-за света, которым он заполняем пространство, укрывая всё в самые тёмные месяцы года? Или это генетическая память, то самое, из-за чего «крестьянин торжествует»?..

До занятий было ещё два часа, моих дома нет, и мы с Лёлей пошли ко мне. Это происходит каждый день, у меня или у неё, но мы каждый день вместе. А бывали и ночи, когда Лёлина бабушка дежурила.

Наши родные, отбушевав после нашего возвращения, смирились с тем, что нас теперь не разлучить и сквозь пальцы смотрели на мои ночные отлучки.

Лёлин братишка родился как раз в день, года нас зачислили на Подготовительное. Мы встречали их из роддома, этого самого, Областного, где теперь работает Лёля.

Дядя Валера, взволнованный, растерянный, немного неловкий, как и положено молодому отцу, с букетом, улыбнулся мне, как своему и меня согрела его прекрасная улыбка. Всё же он какой-то необыкновенный, редкий человек.

– Поздравляю, – я пожал протянутую мне руку.

Лёля, обняла его, целуя в щёку:

– Спасибо, дядя Валера!

– За что это? – он не сразу и понял, на своей волне. – Ах, вон, о чём ты... Не за что. Да и говорила ты не раз, чего уж, дифирамбы петь... Юле, смотрите, не выдайте меня, и так несколько недель, каждый день сокрушалась, кто же мог адрес сболтнуть, как Лёнька узнал.

– Дядя, Валера, я деньги отдам, вот зарпла... – говорю я.

– Сдурел что ли? – он оборвал меня, – не вздумай! Ты мне спеть обещал? Вот считай, что это плата за концерт.

Тут появилась Лёлина мама, красивая, причёсанная, даже подкрашенная слегка, будто и не из роддома, а с курорта выписывается. Ребёнка, в виде большого толстого из-за одеяльца куля, отдали отцу, он, запутавшись, не знал, куда деть букет, мы все рассмеялись, такой он симпатичный и милый в своей счастливой растерянности. Тут была немаленькая компания. Друзья их с Лёлиной мамой, его родители, Лёлина бабушка вышла вместе с Юлией Александровной.

Они уехали на такси, праздновать появление на свет малыша Романа, как называли мальчика счастливые родители... почему я сейчас вспомнил об этом? Потому что Лёля так расстроилась из-за недоношенного малыша?..

Мы лежали рядом на Лёниной софе. Уже совсем темно, зимняя ночь уже наползает на небо и надо вставать и идти, потому что занятия уже половина шестого, через полчаса, но так хорошо лежать рядом на этом мохнатом пледе, от которого, впрочем, чешется спина. Смотреть на книжные полки с потёртыми корешками, стены в плакатах «Арии» и «Doors», вернее Джима Моррисона голого по пояс и в бусах. У меня в комнате тоже несколько плакатов висят, а ещё мои рисунки, всегда любила рисовать...

– Лёль, что спросить хотел... – проговорил Лёня. – Будущим летом, нам восемнадцать исполнится, поженимся?

Я замерла, о, Господи... Поженимся... Зачем, жениться, Лёня? Разве мы не вместе? Ближе, ещё ближе быть невозможно, для чего жениться?! Я не сказала этого вслух, быстро сообразив, что ему будет восемнадцать десятого августа, если мы и подали бы заявление сразу после этого, ждать положено, сколько? Три месяца, это считай, будущая зима, если всё как мы предполагаем, мы будем учиться на первом курсе, до свадьбы нам будет?

Может, забудет к этому времени?..

– Поженимся, конечно, когда-нибудь, – неосторожно сказала я, как думала и тут же пожалела: он не заметил мою оговорку. Но и врать, обещать и не выполнить, я не могу...

Он заметил, вскинулся тут же, сел, плед, которым мы накрывались, соскользнул с его мраморных, будто отполированных блестящих в полутьме плеч, да что «будто» – отполированных моими поцелуями. Но плед съехал и с меня, обнажая:

– Не когда-нибудь, Лёль... – сказал он, и глаза стали огромными в этот момент пронзают меня насквозь.

– Ну, ты что?.. – я села тоже, волосы мои в беспорядке, наверное, и ресницы размазались... почему я думаю об этой ерунде, когда у него стало такое лицо, чтобы не думать, какая я чёрствая дрянь – обидела его неосторожным словом...

– Ты... не хочешь быть со мной? – дрогнув кадыком, проговорил он.

– А с кем я сейчас, Лёня? Я ни с кем не хочу быть, только с тобой. Всегда.

Она будто ребёнка пытается уговорить меня сейчас...

– Но замуж за меня не хочешь, чтобы всегда, – мне кажется, с меня сдирают кожу, мне кажется, меня выталкивают на мороз не только обнажённым, но ободраным. Освежёванным.

Господи, что с ним случилось... «...я люблю тебя с первого дня...» Выходит, я люблю его меньше?

– Лёня... Ты хочешь, чтобы я была твоей женой? Я буду. Чем хочешь, тем и буду для тебя! Только не смотри так... – я обняла его за шею, вставая на коленках.

Он отодвинул моё лицо руками, чтобы посмотреть в глаза.

Я хочу видеть её глаза, сейчас, когда она почувствовала, как мне стало больно мне от её небрежной фразы: «когда-нибудь»... Младенца чужого жалеет, рыдает о нём и не знает, кто он и что, а меня ей не жаль совсем? Разве не чувствует, как мне важно каждое её слово, каждый взгляд, каждая улыбка... как она в своей лёгкости жестока и не чувствует даже?..

Нет, поняла, значит, всё же любит?.. Я поцеловал её в губы жадно, почти зло, я обижен немного, заведён этим, я не мог теперь же идти на учёбу, просто не мог сейчас позволить ей оторваться от себя, я хочу чувствовать, что она всё же моя, всё же любит меня, всем моим существом, снова раствориться в ней и почувствовать, как и она растает во мне...

Вскоре после Нового года, неизвестно откуда взявшиеся, художники пригласили Лёлю позировать им. Мне вовсе не льстит это признание Лёлькиной и без этого бесспорной красоты, я начинаю испытывать то, что называется ревностью. Тем более, что при мне ей не однажды звонит кто-то, она отвечает, алёкает несколько раз и не получив ответа, кладёт трубку на аппарат.

– Кто это? – спросил я.

Она пожалала плечами, как ни в чём, ни бывало:

– Дурачится кто-то, молчат.

Я знаю, что так делают влюблённые, я сам так делал.

– И часто тебе так звонят?

Лёля посмотрела на меня:

– А тебе?

Я осёкся. Ведь правда, и мне звонили и до сих пор, бывает, звонят и бросают трубку. Только для меня это не имело значения, но и для неё, наверное, не имеет?..

Она стала ходить к художникам, воруя время не у учёбы, а, увы, у наших свиданий. Они подошли к ней на улице, так она говорит...

Может и мне заставить её ревновать? Может быть, она поймёт, что чувствую я? Но как? Где все многочисленные девчонки, что бегали за мной по школе, подстерегая из-за угла, чтобы натолкнуться, якобы случайно?

И тут меня осенила спасительная мысль: скоро Вечер встречи выпускников. А если нам с ребятами собраться и сыграть на нём? Успех гарантирован, нас ещё хорошо помнят в школе, среди более младших классов у девочек мы и были самыми популярными.

Я позвонил своим приятелям, с которыми мы играли. Все они рады исполнить мою затею, «тряхнуть стариной», как выразился кто-то из них. Но надо, чтобы нам позволил это сделать директор и завучи. Мы, вдвоём с барабанщиком, который учился теперь в Железнодорожном техникуме, как многие мои одноклассники, пошли к директору. Он не только не против, а очень даже «за». Оказывается, наш концерт на Выпускном, был таким успешным, что его потом долго донимали расспросами, что это за группа и где она выступает. Ведь были и родители на Выпускном и другие, кто не знал нас, как своих одноклассников. Неожиданно и приятно.

Мы начали репетиции. И теперь я, то время, пока Лёля со своими художниками, хотя бы не маялся, а репетировал нашу старую программу в школе, на школьных же инструментах, с которых мы смахнули пыль, ведь после нас так пока и не нашлось желающих и умельцев играть и петь, как ни удивительно.

И опять стали сбегаться девчонки, тайно подглядывать за нами. И спрашивали после, подбегая и краснея, неужели мы будем играть, и мы с удовольствием отвечали, что не далее как на Вечере выпускников...

Теперь важно, чтобы Лёля согласилась пойти тоже, потому что она не очень хотела. Я постарался уговорить её, прошу даже пойти, ведь иначе, вся моя затея, коту под хвост. И ничего она не почувствует и опять я останусь ревновать, а она будет парить как запредельная королева надо мной, недоступная и спокойная. Пусть хоть раз, хоть тень почувствует той кошмарной ревности, что сжигает меня ежедневно, едва мы расстаёмся...

И вот он, Вечер встречи выпускников. Лёля знала, что мы собираемся играть, это я и не думал скрывать от неё, поэтому я ухожу раньше, взяв с неё твёрдое обещание прийти.

О, успех был не то, что большой... для нас – грандиозный. Честно сказать, я не ожидал, что кроме девочек-восьмиклассниц, кто-то будет так восторженно нам аплодировать, кричать: «Браво!» и «Бис!», что станут даже подпевать нам, хлопать и пританцовывать в такт. Наш концерт небольшой, наших песен немного, мы не собирались утомлять публику, собравшуюся посмотреть друг на друга, да тискать старых одноклассниц, а растянулся вместо получаса на полтора.

И девочки подбежали нас обнимать, а мы, счастливые неожиданным успехом, обнимали и целовали их в ответ тоже.

Мне стали совать записочки с номерами телефонов, щекоча, забираясь в карманы джинсов, хватая меня, будто ненароком, я не сопротивлялся, главное, чтобы всё это видела Лёля. Пусть увидит, что и я не из самых бросовых парней, за которого можно выйти замуж «когда-нибудь».

Наконец, мы ускользнули из школы через один из чёрных ходов, и я попросил своего бывшего одноклассника, из спокойных, не из тех, что ухлёстывали когда-то за Лёлей, но тех, кто помогал нам с сегодняшним концертом, позвать её, сказать, что я жду её и где.

– А вы с Гуляевой... это... встречаетесь что ли? – удивился он.

– Ты так удивляешься...

Он пожал плечами:

– Да нет, я вообще-то не очень удивляюсь, – усмехнулся он.

Лёля вышла нескоро. То ли он искал её долго, то ли она нарочно тянула, чтобы помучить меня на морозе.

Снег посверкивает под фонарями, будто по насту рассыпаны бриллианты как на императорской короне в Алмазном фонде. Я не чувствовал холода от возбуждения, хотя мороз кусал щёки и я всё же развязал «уши» на своей лохматой шапке, сразу стало лучше. Вот и Лёля

появилась, в своей шубке, в беретке, вложив руки в рукава навстречу, как в муфте. Вот всё в ней нездешнее будто, несегодняшнее...

– Замёрз, «звезда» сцены? Что ж ты поклонниц своих бросил? Там стены сейчас кипятком подмоет, – сказала она с усмешкой, подойдя ко мне.

– Каким кипятком? – я не понял.

– Тем самым, которым они пишут, глядя на тебя! Все остальные парни ваши по углам с девочками разбрелись, а ты что же оплошал? – и усмешка злая и сама она бледная...

– Лёля... – проняло всё же, обрадовался я – разозлилась.

– Иди к чёрту! – она не дала взять себя под руку и, отмахнувшись, покачнулась, чуть оскальзываясь на накате.

– Упадёшь.

– Скажите, пожалуйста, какой заботливый жених! А когда тебя хватили за задницу эти прыщавые толстухи, ты не думал про меня? – во, как разобрало! Нет, я молодец всё же!

И вдруг она отвернулась неожиданно, её стошнило на снег. От нервов что ли? Она, качнувшись, схватилась за дерево. Я подскочил к ней.

– Что с тобой?

– Ох... отойди!.. – её вывернуло снова...

Она выпрямилась, взяла горсть снега голой рукой, уронив варежку, и приложила к губам. Я поднял варежку, и держал её растерянно, чувствуя себя дураком, и чуть ли не преступником.

– Лучше? – спросил я.

Я вроде и не виноват, но ведь мне приятно было думать, что она увидит всю эту девичью возню вокруг нас четверых с парнями, особенно вокруг меня. Разве не на это самое я и рассчитывал?

– Не лучше! Нескоро теперь станет лучше! – воскликнула она, проводя, дрожащей и мокрой от растаявшего снега, ладонью по губам, по шее. – Я... ох... беременна.

– Лёля... – вот это да! Я поражён, вот уж чего я не ожидал, забыл, и думать об этом...

– Отстань! Иди, развлекайся! Ещё паре таких же дур ребёнка заделай! – она оттолкнула меня и побежала прочь.

О, Господи, как я мог узнать, как догадаться?..

Но как мог не заметить?..

А как я мог заметить?..

Или она сама узнала недавно?

Но... Почему не говорила? Потому что не хочет замуж за меня?..

Я побежал за ней. Но на скользком снежном накате я скользну, скользит и она. И падает...

Я подбежал, напуганный, как в дурацком кино каком-нибудь, вроде этих «Унесённых ветром», что все бегают смотреть, восторгаясь, как шедевром, будто не было наших «Тихого Дона» или «Войны и мира», будто эта глупая история про продажную и фальшивую насквозь героиню может трогать сильнее подлинных страданий и страстей.

Но та на лестнице упала вроде... Какая разница, какая глупость лезет в голову в такой момент...

Лёля оттолкнула мои руки, которыми я обнимаю её, помогая подняться:

– Отстань! Обойдусь без тебя! Иди к своим фанаткам!

– Лёля, ну что ты... Лёль... давай, провожу хотя бы! – беспомощно пробормотал я.

– Видеть тебя не хочу! – поднявшись со снега она, убежала.

Но я всё равно пошёл за ней, чтобы убедиться, что она добралась до дома нормально. Поговорим завтра, когда она остынет и поймёт, что ничего преступного я не сделал. Я видел, как она забежала в подъезд, как наверху включился свет в её комнате, только после этого, постояв немного, я ушёл домой.

Но мне не спалось в эту ночь. Во-первых: возобновились безмолвные звонки, к первому и даже третьему я подскочил, думая, может быть это Лёля, но – нет и нет.

Я забрал телефонный аппарат в свою комнату и всё же дед пришёл осведомиться:

– Что у тебя происходит? Кто звонит всё время?

– Дуры какие-то, трубку бросают.

– Так отключи телефон. Два часа ночи, хорошо, воскресенье завтра.

– А если Лёля позвонит?

– Спит давно твоя Лёля, – досадливо пробормотал дед, запахивая кофту, что натянул поверх своей «спальной» футболки, – чего ей звонить среди ночи? С ума-то не сходи. Ложись, давай!

– Мы поссорились. И она... она беременная, – я посмотрел на деда снизу вверх, садясь на так и не разобранной постели, ожидая от него какой-нибудь мудрости.

– Чего?! – у деда вытянулось лицо, и остатки сна улетучились из его глаз, – доигрались, стало быть.

Он сел рядом со мной, вытянул губы трубочкой, подняв домиком брови.

– Н-да-а... дела-а... – протянул он, выдохнув. – А чего поссорились-то, – он посмотрел строго, – ты сказал что-то? Обидел её?

– Да она сама, кого хочешь, обидит! – вспыхнул я. – Замуж не хочет за меня.

Дед покачал головой, усмехаясь:

– Ох, пацан ты сопливый. Чего ей хотеть за тебя замуж? Кто ты есть? Даже не студент ещё, – он посмотрел на меня уже мягче. – Ты... вот что, папаша, новоявленный, спать ложись. Завтра, простит тебя твоя прекрасная Лёля, помириться, заявление в ЗАГС подадите, куда она теперь денется от тебя, раз залетела.

Дед опять усмехнулся, поднимаясь:

– Но, вообще-то... Вообще-то, ты даёшь, однако, брат: вылупиться не успел, а уже своего ребёнка заводим. Ох, Лёшка... Не вздумайте только с институтом опять такой финт сделать как в том году, иначе, что делать-то, всю дорогу в санитарах ходить будешь, а школьную золотую медаль себе на грудь повесишь. Санитар с медалью. Как дворники при царском режиме.

– Дед... – пробормотал я довольно жалко, впрочем...

– Что, «дед»? Дети – дело хорошее, конечно, но почему вы не подумали, как вы растить ребёнка будете? На нас стариков повесите, ведь, с родителей ваших толку-то нет...

Он сказал ещё что-то в таком же роде, укорял меня за легкомыслие и неосмотрительность, понимая, впрочем, что разговор и запоздал уже, да и раньше не был полезен. Всё равно я был бы таким же неосмотрительным.

А я лежал после в темноте и думал, до чего я рад, что Лёля беременна, тут дед прав, теперь она никуда не денется от меня. Я почему-то был уверен, что то, что у нас будет ребёнок навсегда прилепит её ко мне, хотя и её и мои родители что-то не очень «прилепились»... Но разве у кого-нибудь могла быть такая любовь как у нас? Конечно, нет!

Но потом я вздрагивал, чувствуя сердце во всём теле: а вдруг она меня не любит?

Или сегодня разлюбила? Может это пушкинское: «чем меньше женщину мы любим...» с Лёлей работает наоборот?

Я заснул только к утру. Утром меня не будили рано, но к полудню всё же подняли. Я тут же взялся звонить Лёле, однако никто не отвечал. Как такое могло быть? Я пошёл к ним домой. Никто не открыл, вообще, по всему судя, никого не было. Я вернулся домой. Тревога и беспокойство раздирали меня на части. Чем больше проходило времени, тем больше я чувствовал, что Лёли не просто нет дома, что что-то произошло...

Я не ошибся, вечером позвонила Вера Георгиевна и сказала, что Лёля в больнице. Но идти не надо, на днях будет дома...

Глава 6. Перемены

Когда я упала на этом чёртовом накате, то сразу почувствовала, что-то нехорошее случилось во мне. Будто что-то лопнуло, оборвалось. Но в тот момент я не думала, я могла только плакать, потому что чувствовала себя униженной, обманутой, глупой, брошенной...

Я заснула поздно, металась в кровати от своих обидных мыслей, от ревности, от тревоги, что Лёня меня не любит и не любил, это я глупая клуша, поверила и... и от отчаяния, накачавшего на меня. Потом всё это отступало и я понимала, какая это глупость, что я внушаю себе... У меня будто была лихорадка, становилось то холодно, то жарко, я никак не могла найти себе места и покоя... что-то ещё, что-то на физическом уровне происходило со мной... К утру стало ясно, что я чувствовала ещё. Я проснулась от сильной боли в животе...

Пришла к бабушке в комнату и сказала как есть. Было поздно, шла кровь, ничего было уже не спасти...

Я несколько дней задержки размышляла, что же это со мной. Но, когда в одно утро проснулась от того, что меня сильно мутит, сомнений уже почти не было. Задержка была почти две недели, случайным это быть не могло. И всё же я хотела убедиться сначала, прежде чем сказать Лёне. Да и виделись мы в последнее время меньше, он бегал на репетиции, бабушка этот месяц не дежурила. Прежде чем сказать Лёне, надо было бабушке признаться или попросить на работе кого-то из врачей осмотреть меня, но это было невозможно – я до ужаса стеснялась. Пойти в консультацию к гинекологу – ещё хуже. Я несовершеннолетняя, ещё в милицию заявят, обязаны, небось...

Но все мои сомнения и размышления прервались вот этой глупой ссорой. Глупой, потому, что ревновать, с моей стороны, было так нелепо, что и не описать. Я сама же когда-то гордилась его талантами и даже успехом у девчонок. А тут повела себя как безмозглая курица, устроила сцену с этими пробежками по гололёду. Вот и добегалась...

Что в больнице делали со мной, я почти не запомнила, от боли мне застилало разум, а потом вообще сделали укол, и проснулась я с холодом на животе.

Но, главное, с пустотой и холодом внутри живота...

К ночи я отпросилась домой. Меня отпустили, благодаря бабушке. Только дома я позволила пролиться новым слезам...

Я слышала, как она плачет. Сразу не пошла, хотела дать вылиться полудетскому-полуженскому горю, надеялась, она уснёт после... Но она плакала и плакала, пора была вмешаться.

– Детка, – Лена, обняла меня, едва я коснулась её, продолжая сотрясаться рыданиями. – Что же ты не сказала ничего? Или не знала? Может ты что-то выпила, чтобы...

– Да ты что, бабуля?! – она отняла лицо и посмотрела на меня, моргая мокрыми ресницами.

– Ну-ну, – я вытираю слёзы с её щёк. – Нет и хорошо. Ты молодая, будут ещё дети. Или ты из-за... Может, Лёня... Он не обидел тебя?

Она затрясла головой и заплакала ещё сильнее, прижимаясь ко мне:

– Это я... Это я... Я обидела... приревновала его, ругалась, а он... – ревет в голос.

– Ему сказала?

– Сказала... а потом... на льду упала, как... Будто нарочно.

– Лена, хватит плакать, не надо. Вы помиритесь, всё пройдёт. А ребёнок... Ты сама подумай: ну, ко времени сейчас тебе это было? Поступила бы, первый курс, Москва, общежитие...

– Не говори так! – она мотает головой. – И так будто нарочно всё, будто вот специально, он... Он... Замуж позвал, а я... Ты бы видела, какое у него сделалось лицо, будто я ножом ему в спину ткнула...

Она закрыла лицо и опять завывала.

Я вздохнула, обнимая её. Ну, совсем несмышлёные дети... Замуж, ребёнок... Будто в деревне и при царском режиме живут... Время-то какое, не видят ничего вокруг себя, цены растут, в магазинах пусто, какие-то чудовищные очереди около водочных, драки там, чуть ли не переклички...

А эти – жениться... Ребёнок... Сами дети, совсем глупые малыши. Штаны снимать научились, а думать... Ох, Лена-Лена... и я тут за всеми заботами, безумием каждого дня, этими обменами купюр в 50 и 100 рублей, совсем ничего не заметила, упустила внучку.

Вот мать и правда сетовала на вашу сексуальную революцию... Но, разве в её или моё время не было такого? Всегда это есть, и любовь и безрассудство. У них вообще первая любовь вон какой оборачивается.

Может, через год-другой и разбегутся. А, может, и теперь... Такие происшествия между двоими или разводят или цементируют. Уж не знаю в их случае, что лучше...

Мы не разбежались. Я пришёл на следующий день, как она оказалась дома.

Я собирался виниться, не зная ещё что делать, только бы стереть следы слёз с её лица, но она сама, обхватила меня за шею и зашептала, вздрагивая от новых слёз:

– Лёня, милый, прости, прости меня! Прости, я не буду больше такой дурой, такой злойкой!

– Это ты меня прости, – немного растеряно пробормотал я. – Это я виноват... Мне так хотелось, чтобы ты меня ревновала...

– Зачем? – она посмотрела в моё лицо, моргая удивлённо, вытирая слёзы кулачками как ребёнок. От удивления перестала даже плакать.

– Потому что... – я не хотел сознаваться, что был объят вселенской ревностью перед этим, стыдно за это, да и не объяснишь. Повода-то никакого не было... – Я не знаю... показалось, ты стала меньше любить меня, – это почти правда.

– Меньше любить?! – она захлопала мокрыми ещё длинными ресницами, затрясла головой: – ты... Никогда так не думай! Слышишь? Можешь думать, что хочешь обо мне: что я злая, глупая, плохая, что не достойна тебя, только не то, что я тебя не люблю! – горячо и, будто спеша, проговорила она мне на губы, на щёки. – Я всегда буду тебя любить, это ничто не поменяет! А ребёнок... бабушка сказала... бабушка сказала, что у нас ещё будет... Ты огорчился?

Я поцеловал её. Жарко, мне жарко от моих мыслей, от её слов, от того как она целует меня воспалёнными губами, от того какая она сегодня, явно лихорадит, но, может, поэтому и говорит так...

Я счастлив, что мы помирились, что она простила меня и что говорила так, я никогда, наверное, ещё не был так счастлив, несмотря на постигшую нас потерю.

И только одно омрачает моё счастье: знаю, нам нельзя сегодня заниматься любовью и вообще какое-то время будет нельзя и это жжёт и злит меня. Я злюсь не на неё, я злюсь на себя, что я такой дремучий дикарь и бесчувственный идиот ...

После всего произошедшего, Лёня переменялся, во-первых: он перестал терпеть мои неточности с пунктуальностью, при том, что сам он идеально умеет рассчитывать своё время и никогда не опаздывает, будто у него в голове часы. Я же обыкновенный человек, я могу и забыть и просто дойти медленнее, чем думала, но он теперь мрачнел от моих опозданий или забывчивости, которая мне кажется чепухой.

А во-вторых: ему стало невозможно отказать ни в чём. Он не высказывает немедля, что сердится, но я чувствую, что страдает... Мне стало казаться, что с него содрали кожу. От этого я и люблю его ещё больше, но мне становится сложнее, приходится думать над каждым словом,

чтобы не ранить его ненароком, раньше не было так... Мы стали ближе, ещё ближе, чем раньше. Будто ободранной кожей приросли друг к другу.

Замки на песке, так легко построить.
Замки на песке, так легко разрушить.
Замок на песке, я не ждал, что его смоем волной...
Мой замок на песке уносит в море.
Он утекает между пальцев,
Не удержать ни воды, ни песка.
Всё стирает и уходит,
Не вернёт мой замок волна.
Может быть, я смогу удержаться на кончиках пальцев?!
Как легко поверить в мираж.
Почему в иллюзию проще поверить, чем в правду?
Потому, что, правда, похожа на нас?
А мираж – это то, чего не бывает...
Всё утекает, проходит.
Что можно вернуть?
Что можно прожить снова?
Уловив знакомые звуки,
Мы хватаем их, как птицу удачи за хвост,
И хотим удержаться на кончиках пальцев...

Прошла весна, с обычной пылью, дождями, неожиданным теплом и ещё более неожиданными похолоданиями, как и всегда. Референдум о сохранении СССР, в марте, мы не заметили за своими страданиями, переживаниями, а ещё, потому что мы не голосовали, ведь нам нет восемнадцати.

Однажды, в конце мая, Лёня сказал мне, смущаясь немного, хмурия густые светлые брови: – Ты, Лёль... Я всё думал... Ты это... ты не предохраняйся, а? – он заглянул мне в лицо почти просительно. – Пожалуйста? Будет ребёнок ещё, пусть, а? А, Лёль? Пусть будет?

От этих слов и, особенно от его лица в этот момент мне стало не по себе. Всё чувствует... Я же говорю, будто содрали кожу... Потому что только три дня назад бабушка почти насильно заставила меня поставить спираль для этой самой контрацепции, о которой говорил сейчас Лёня. Я не хотела, чувствуя в этом, вместо правильной житейской логики, которой оперировала бабушка в разговоре со мной, что-то поддельное, что-то нечистое, толкающее меня в разрешённый разврат, в какую-то взрослость... Слово я сама уже не вошла в эту взрослость без спроса ещё прошедшим летом... Но я не думала тогда ни о какой взрослости, я вообще не думала, я хотела и хочу быть с Лёней совсем. Я не думала, пока не попала в гинекологию, где со мной обращались как со взрослой и это... от этого мне тошно. Разве мы взрослые? Мы друг друга любим и всё. Но это что, быть взрослыми?.. Это так глупо всё – эти мысли и чувства, они такие неправильные, несовременные и несвоевременные, что я гнала их даже от себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.